

АЛЕКСАНДР ВАРГО

18+

Особенно режиссеру
удалась сцена пыток

ЗАКРЫТЫЙ ПОКАЗ

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго
Закрытый показ

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варго А.

Закрытый показ / А. Варго — «Эксмо», 2022 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-04-174023-8

Идут съемки любительского фильма ужасов начинающего режиссера Матюнина. Главную героиню Жанну, согласно сценария, два злодея должны насиловать, пытаться, а затем четвертовать. Потребовались весьма дорогие атрибуты — трюки, грим, спецэффекты, компьютерная графика. И сразу выяснилось, что такой запредельный бюджет команда не потянет. Но тут у Жанны родилась идея: привлечь к съемкам, так сказать, дублершу. И всё снять вживую... Двадцать пять лет спустя они оказались запертыми в мрачном бункере. И начался показ фильма. Того самого... И прежние роли вернулись. И, как тогда, — всё вживую, и реки крови, и теплая плоть, и оглушительный, сводящий с ума визг. Вот только сценарий изменился радикально, до леденящей жути... Все ужасы, пороки, мерзости, грехи и низости человечества — здесь. Книга обо всем и сразу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174023-8

© Варго А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Варго

Закрытый показ

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Варго А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Часть 1

«Кино должно заставить зрителя забыть о том, что он сидит в кино...»

Роман Полански

«Неделя в тюрьме – это много. На воле – мало».

Эрих Мария Ремарк

Сознание вяло и неохотно всплывало на поверхность реальности, его словно что-то тормозило, вроде как застрявший в тине старый заплесневелый башмак, который, подцепив на крючок, с трудом пытается вытянуть горе-рыбак, все еще надеясь, что в этот раз ему с уловом точно повезет.

С огромным усилием разлепились веки, словно склеенные воском. Тут же пришла боль – она гулко билась в затылке, как будто в голову вогнали стамеску и теперь остервенело колотили по ней молотком, расщепляя кости черепа и вгоняя ее в мякоть мозга.

Глухо застонав, Юрий сел, с осовелым видом таращась по сторонам. В душном помещении царил полумрак, духота, казалось, прилипла к телу влажной простыней. Нервным движением мужчина расстегнул верхние пуговицы фланелевой рубашки, затем, морщась, коснулся ноющего затылка. Пальцы нащупали крупную шишку, и он непроизвольно скрипнул зубами – от жгучей боли у него на мгновение даже потемнело в глазах.

«Меня ударили, – мелькнула мысль. – Не мог же я рухнуть по пьяни?! Времена, когда меня приносили домой в беспомощности, давно прошли!»

Что верно, то верно. Интересно другое – что за утырок осмелился поднять на него руку?!

Вразумительного ответа на этот вопрос не было – Юрий Есин даже в мыслях не мог допустить, что кто-то попытается свести с ним счеты подобным способом, хотя недоброжелателей у него хватало. Впрочем, версии о странном и внезапном нападении быстро отступили в тень, уступая место не менее насущному и логичному вопросу:

Где он?!

Где он, черт подери?!

Вопрос, казалось, беспомощно повис в спертом воздухе.

Продолжая оглядываться, Юрий провел языком по сухим губам. Вспыхнувшая было злость утихла, сменившись растерянностью.

«Я здесь не один. И как сразу не разглядел?!»

Вытянув голову, он внимательно посмотрел на распластавшееся рядом тело мужчины. Было непонятно, жив тот или нет. Потом перевел взгляд на второго незнакомца, который лежал на спине с раскинутыми в стороны руками. Юрий повернул голову вправо и вздрогнул – в самом углу на корточках, закрыв ладонями лицо, сидела женщина. Густые темные волосы водопадом ниспадали вниз, касаясь кончиками пола. На ней был просторный льняной сарафан темно-синего цвета и легкие кожаные туфли-балетки.

– Эй! – позвал Юрий. Он не узнал собственного голоса, который напомнил ему карканье.

Женщина продолжала сидеть в полной неподвижности.

– Да что тут происходит, мать-перемать?.. – буркнул Юрий, не без труда поднимаясь на ноги. Его слегка покачивало, в голове продолжал гудеть пчелиный рой, но в целом он окончательно пришел в себя. Протерев глаза, Юрий вновь осмотрелся.

Помещение, в котором он очнулся, напоминало прямоугольную коробку и не блистало изысканностью интерьера – четыре стула, расставленные у противоположной стены «шашечками», – вот и вся мебель. Никакой двери, никакого окошечка, даже самого малюсенького. От

внимания Юрия не ускользнуло, что стена в этом бункере, перед которой выстроились стулья, имела более темный цвет, нежели остальные...

«Похоже на огромную рамку», – внезапно подумалось ему. Взгляд Юрия переместился вниз, и его брови выгнулись дугой – у каждого стула стояло по бумажному стакану и ведерку, доверху заполненному попкорном. Он присел на корточки и осторожно поднял один стакан с темной жидкостью. В ноздри ударил едва уловимый запах выдыхающегося пива.

Юрий с трудом проглотил застрявший в горле комок. Пить хотелось невыносимо, глотка его пересохла, как заброшенный колодец, а об язык наверняка можно было зажигать спички.

Но и отхлебнуть из стакана он не решался.

«В нем может быть что угодно», – шепнул внутренний голос, и Юрий с неохотой поставил стакан обратно на пол. Посмотрел на остальные, по очереди беря в руки и приносясь. В трех было пиво, лишь в последнем оказалась кола. Или пепси – он никогда не различал эти сладкие напитки, хотя многие уверяли, что разница есть и она довольно существенная. Стакан был прохладным, и ему даже начало казаться, что он чувствует легкое похрустывание пузырьков газировки, которые лопались на поверхности. Соблазн опрокинуть в себя содержимое стакана был настолько велик, что лоб мужчины покрылся испариной, и ему стоило невероятного труда отказаться от этой затеи. Юрий выпрямился:

«С другой стороны... Зачем кому-то засовывать меня сюда только для того, чтобы отравить?! Чертовщина какая-то!»

Его вновь охватил гнев. Кто устроил весь этот ни-хрена-не-смешной-цирк, едрена мать?!

Он с яростью посмотрел на аккуратно расставленные стулья и ударил по ближайшему к себе ногой. К огромному изумлению пленника, тот не сдвинулся с места, лишь пружинисто завибрировал. Не веря своим глазам, Юрий потянул стул к себе. Тот не шелохнулся.

«Приварены. Как в тюряге», – догадался он, разглядывая в полу торчащие срезы арматуры, к которым были намертво прихвачены сваркой металлические ножки стульев. Интересно, как их сюда принесли, если никакой двери в помещении даже не наблюдалось?

Юрию вдруг показалось, что в голове начал мигать индикатор тревоги, и он задрал голову. Может, их спустили сверху в эту коробку?! Эта версия, выглядевшая даже в его глазах по-идиотски фантастической, не нашла своего подтверждения. Правда, в центре потолка темнело небольшое овальное отверстие, но, по прикидкам Юрия, через такую дыру вряд ли можно было бы пропихнуть даже ребенка, не говоря уж о трех взрослых мужиках и бабе...

Вспомнив, что он тут не один, Юрий снова взглянул на женщину. Ее поза изменилась, теперь она сидела выпрямившись, убрав руки от лица.

«Ничего так на мордашку», – отметил про себя он.

– Кто вы? – спросила незнакомка. Щурясь, она пыталась разглядеть Юрия.

Он усмехнулся:

– А вы кто? И что тут делаете?

Казалось, этот вопрос поставил женщину в тупик, и она растерянно проговорила:

– Меня зовут Жанна Тейн. Я... не помню, как здесь оказалась. Мне позвонили и сказали, что с мужем произошла беда... Где мой муж?

Юрий пожал плечами:

– Я похож на человека, который знает, где ваш муж? – съязвил он. – Я не знаю ни вас, ни вашего мужа, ни вот этих тел. – Есин кивнул в сторону бесчувственных мужчин, все так же неподвижно лежавших на полу.

– Они живы? – задала очередной вопрос женщина, и он почувствовал растущее раздражение.

«Почему бы тебе самой в этом не убедиться, курица?»

Только сейчас он обратил внимание на выпирающий живот собеседницы, торчавший словно диванный пуфик. Жанна перехватила его многозначительный взгляд и машинально погладила живот.

– Да, я беременна, – коротко пояснила она.

– Какой срок? – без особого интереса спросил Юрий, хотя и малосведущему человеку было ясно, что его случайная знакомая должна разродиться в самое ближайшее время.

– Тридцать шесть недель.

Он ничего не сказал и, подойдя к одному из мужчин, присел на корточки. Это был тучный здоровяк лет сорока пяти – пятидесяти, с пухлым мясистым лицом и жидкими рыжеватыми волосами, одна прядь которых прилипла к потному лбу. Толстяк был облачен в строгий костюм из шелка бордового цвета, на ногах кожаные полуботинки, сверкающие глянцем. Из приоткрытого рта тянулась прозрачная ниточка слюны, которая образовала на галстук влажное пятно. Есин коснулся запястья незнакомца, подушечки пальцев тут же ощутили ритмичный пульс. Каких-либо видимых повреждений на мужчине не было, и Юрий бесцеремонно затормозил его:

– Эй! Давай, подъем, парень!

Веки крепыша приподнялись, он закричал, отлепив свою круглую голову от пола. Зрачки несколько секунд бессмысленно вращались, затем взгляд с трудом сфокусировался на склонившимся над ним Есине.

– Где я? – спросил толстяк, нервно облизнув пересохшие губы.

– Там же, где и все остальные.

Юрий уже хотел выпрямиться, как вдруг нахмурился, пристально вглядываясь в лицо мужчины. В голове Есина скользнула смутная тень воспоминания.

– Слушай, приятель, – задумчиво проговорил он. – А ведь я где-то видел тебя раньше. Мы знакомы?

Толстяк пропустил вопрос мимо ушей – он был занят тем, что пытался поменять лежачее положение на сидячее. Это было непросто, мужчину болтало и крутило, словно тряпичную куклу с головой из свинца. Тяжело вздохнув, он наконец сел и тупо уставился на Юрия, который буравил его холодным требовательным взглядом.

– Не знаю, – выдавил крепыш, покосившись на мокрый от слюны галстук. Брезгливо поджав губы, он снял его и, скомкав, сунул в карман.

– Нет, точно, – не отставал Юрий. – Это ведь неспроста. Как в этих американских ужастиках: группа разномастных придурков – дрыщ, качок, ниггер и какая-нибудь шлюха с силиконовыми сиськами – приходит в себя в закрытом помещении... а потом выясняется, что их что-то связывает! Где мы могли пересечься?!

– Я должен был ехать в Счетную палату, – сказал толстяк, морща лоб. По его мимике и порозовевшим щекам было видно, каких трудов ему стоило это умственное напряжение. – А где мы?

– Не могу тебе ответить. Но одно я знаю точно – мы не в Счетной палате.

– Это и ежу понятно, – буркнул он.

– Ваше лицо тоже кажется мне знакомым, – подала голос Жанна.

Юрий обернулся:

– Вот как? Все интересней и интересней, – протянул он. – Что ж, мир тесен, может, мы где-то и встречались. Но вот тебя я что-то не припомню.

– Я вам не тыкала, – сухо заметила женщина, но Юрий оставил ее замечание без ответа.

Шагнув к стене, он постучал по ней костяшками пальцев, затем внимательно осмотрел глянцевую поверхность, пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь стык или шов. Но его усилия были тщетны: стена была гладкой и ровной, как лакированный стол.

– Взгляните на эти стены, – пробормотал Юрий. – Они как будто обшиты сталью. Мы словно... внутри железного ящика.

Не веря своим глазам, пленник двинулся по периметру помещения, продолжая методично простукивать стены. Звук был везде одинаковый – глухой и отрывистый, словно за облицовкой из стали или жести находилась кирпичная кладка или как минимум прочный деревянный брус.

– Как я здесь очутился? – снова раздался неуверенный голос «костюма». – И... что вообще происходит?!

– Я могу спросить тебя о том же, – бросил Есин, даже не глядя на мужчину.

Крепыш вздохнул. Убедившись, что в сидячей позе ему удалось добиться более-менее устойчивого положения, он решил попробовать встать. Уперев руку в стену, начал осторожно подниматься.

– Взгляните наверх, – вдруг сказала Жанна, и толстяк, метнув в нее недоверчивый взгляд, не без опаски задрал голову. Изумленно присвистнул – потолок их необычной тюрьмы был точно таким же, как и стены, – гладким и ровным.

«Как нас всех сюда запихнули? Ну ведь не через потолок же!» – вновь мелькнула у Юрия мысль, когда он опять посмотрел наверх.

– В лучшем случае через эту дырку можно протиснуть футбольный мяч, – задумчиво проговорил он вслух.

– Или ведро, – заметила Жанна.

Перехватив недоуменный взгляд Юрия, она махнула рукой куда-то в угол, и тот проследил за ее жестом. Точно: за стульями притулилось замызганное жестяное ведро.

Толстяк тем временем полностью выпрямился и, моргая, наблюдал за происходящим. Взор его постепенно прояснялся, но он все еще держался за стену, не решаясь делать самостоятельные шаги.

Юрий приблизился к ведру, осторожно заглянув внутрь.

– Очевидно, это наш туалет, господа, – неожиданно раздался тихий голос, и все повернули головы. Слова были произнесены четвертым субъектом, находившимся в странной комнате, который, придя в чувство, довольно быстро сориентировался в обстановке и не преминул включиться в разговор.

– Оп! Наконец-то теперь все очухались, – с напускным удовлетворением отметил Юрий. – Может, проведем совещание, пока все в сборе?

– Я не против, – вежливо отозвался бросивший фразу о туалете. Это был высокий сухопарый мужчина лет шестидесяти, одетый в угольно-черный смокинг и белоснежную сорочку с галстуком-бабочкой. Густые, абсолютно седые волосы были стянуты в куцый хвостик, придававший мужчине слегка комичный и одновременно гротескный вид. Крючковатый острый нос торчал на плоском бледном лице словно акулий плавник, нависая над тонкими, как ниточки, губами.

– Эй, послушайте! – вдруг заговорил «костюм», отодвигаясь от стены. – Вы же этот... как его... – он возбужденно щелкнул пальцами в воздухе, словно пробуждая этим незамысловатым жестом свою все еще не проснувшуюся память. – Известный режиссер!

– Вы Локко? – спросила Жанна, ее накрашенные глаза оживленно блеснули, и толстяк хлопнул себя по лбу.

– Точно! – воскликнул он. – Режиссер Рэд Локко!

Седовласый вежливо улыбнулся, как человек, привыкший к повышенному вниманию.

– Совершенно верно. Когда тебя узнают с первого взгляда, начинаешь понимать, что жизнь прожита не впустую.

Слушая вполуха этого типа в смокинге, Юрий остановился у противоположной стены. Приглядевшись, он с изумлением отметил, что перед ним стекло, от пола до потолка, а за ним виднеются складки темной материи. Что бы это значило?!

– Может, вы в курсе происходящего? – задал вопрос толстяк. – Кстати, меня зовут Алексей Балашов. Я управляющий столичным филиалом Лайт-Банка.

– Я знаю, – спокойно ответил Рэд. – Я знаю всех вас. Как дела, Жанна? Гляжу, у вас скоро будет прибавление в семействе?

Женщина на мгновение замешкалась, потом кивнула и, выдавив слабую улыбку, возобновила меланхоличные поглаживания живота.

– Раз вы нас всех знаете, может, вам известно больше, чем нам? – спросила она. – Что происходит? Зачем мы здесь? Если это розыгрыш, то, смею предположить, он слишком затянулся. Мне нужно на воздух, и вообще я хочу знать, что с моим мужем?

Не отрывая взора от застекленной стены, Юрий принялся обшаривать карманы.

«Телефон, идиот!»

Конечно же, как он сразу о нем не подумал?!

Однако карманы были пусты. Ни смартфона, ни бумажника, ни жевательной резинки, которую он всегда таскал с собой, ни ключей от машины... Впрочем, нет, в джинсах он нащупал какую-то смятую бумажку.

– ...к сожалению, не имею ни малейшего понятия, что произошло с вашим мужем, – тем временем говорил режиссер, – но могу поведать свою историю. Вот только если бы еще мне удалось разыскать свои очки...

Бормоча что-то себе под нос, Рэд принялся бродить по комнате. К нему присоединился Алексей. Пока они высматривали очки, Юрий недоверчиво рассматривал бумажку, обнаруженную им в заднем кармане.

– Что за хрень? – недоуменно промолвил он.

На измятом потертом клочке бумаги не без труда читался выцветший текст, словно бумажку долгое время держали на палящем солнце или краска в принтере была на исходе. И глядя на эти поблекшие, едва различимые буквы, запертому в тесном помещении мужчине начало казаться, что он сходит с ума.

«СЕДАЯ НОЧЬ. Ряд: любой. Место: любое. Сеанс: в любое время. Цена: договорная».

– А вот и ваша утерянная вещь! – раздался торжествующий возглас Алексея. Управляющий столичным банком выудил из-под стула изящные очки в золотой оправе. – Правда, стекло треснуто. Но, надеюсь, это не сильно повлияет на качество видимости, – добавил он.

Юрий скептически посмотрел на толстяка.

«Похоже, этот мешок с салом совершенно забыл, где находится», – подумал он.

– Ау, парни! – позвал он, и Рэд, водрузив очки на нос, перевел на него вопросительный взгляд. – Может, вернемся к нашим баранам? Или всех устраивает, что мы заперты в этой чертовой коробке?!

– Я пыталась разбить стекло, – сказала Жанна, убирая прядь волос за ухо. – Пока вы были в отключке.

– Разбить? – переспросил Юрий. – Интересно, чем?

– Туфлей. Потом ведром.

Балашов подошел к стене и, постучав костяшками пальцев по стеклу, с сомнением покачал головой:

– Мне кажется, для ведра оно слишком прочное.

– Тебе правильно кажется, – усмехнулся Есин. – Если бы эту хренотень можно было бы разбить ведром, наш плен терял бы всякий смысл.

Алексей осекся.

– Плен, – автоматически повторил он, нервно поведя плечом. Похоже, до него начало доходить, что все они находятся в замкнутом пространстве, выход из которого отсутствовал как таковой.

– Можно попробовать разбить стекло стулом, – предложил он, с надеждой глядя на Юрия.

– Стулья приварены, – сообщил тот. – Если тебе удастся оторвать его от пола, с меня ящик коньяка. И потом, откуда ты знаешь, что за стеклом выход, а не очередная бетонная стена?

– Попробовать все равно стоит.

Алексей кашлянул и, схватившись за спинку стула, потянул его на себя. Тот не шелохнулся. Банкир закричал, его губы плотно сжались, щеки от усилий сделались багровыми, пальцы, наоборот, побелели. Никакого результата – с тем же успехом он мог бы пытаться сдвинуть с места десятиэтажный дом.

– Послушайте, друзья, не нужно ничего ломать, – мягко проговорил режиссер. Не найдя платка, он аккуратно протер стекла очков краем своей кипенно-белой сорочки. – Давайте успокоимся. Я расскажу вам, что знаю, и уверен, что все прояснится.

Юрий повернулся к Рэду, пристально взгляделся в его невозмутимое холеное лицо, затем мазнул взором по так называемому билету, который все еще держал в руке.

– Рэд Локко? – переспросил он. – Так это...

Его глаза встретили красноречивый взгляд Жанны, и в мозгу будто что-то отчетливо звякнуло.

– Мне кажется... – медленно начал Алексей, вытирая пот со лба, но Юрий его перебил:

– Вот так встреча! Ха-ха! Неужели вся банда в сборе?!

Теперь он с изумлением смотрел на Жанну.

– Не может быть, – пробормотал банкир. – Как это?..

– Вот так. Я, например, это сразу поняла, как узнала Рэда. А вас зовут Юрий, верно? – сказала Жанна.

– Верно, – кивнул тот. – Юрий Есин.

Алексей с шумом прочистил горло и снова прислонился к стенке.

– Значит, мы все...

– Да, Леша, – снова прервал его Юрий. – Мы те, кто двадцать лет назад снимался в фильме «Седая ночь».

– Двадцать пять, – поправил Есина Рэд. – Как раз в этом году моей самой скандальной ленте исполнилось четверть века.

– Черт возьми, – ошеломленно произнес Алексей. – Мне и в голову не могло прийти... и хотя я узнал Рэда, но у меня совершенно вылетело из головы, что мы участвовали в съемках фильма...

– Да, это так. Только тогда нам было по двадцать лет, и мы были студентами, – с усмешкой произнес Юрий. – А Рэд Локко, который сейчас всем известен как выдающийся крутой режиссер, был простым парнем Витей. По фамилии... если мне не изменяет память, Масюнин.

– А вот и нет, – с добродушным видом отозвался Рэд. – Моя настоящая фамилия Матюнин. Если честно, я уже и забыл, как меня зовут по-настоящему, об этом мне лишь изредка напоминает мой паспорт. Так что, увы, память вас подвела!

Есин холодно улыбнулся:

– Полагаю, что ошибиться на одну букву через двадцать пять лет простительно.

Возникла неловкая пауза. Рэд водрузил очки на свой орлиный нос и принялся неспешно разминать тонкие кисти. От Юрия не ускользнуло, что на безымянных пальцах обеих рук режиссера поблескивали перстни из белого золота.

– Я бы вас никогда не узнал, – признался Алексей, с интересом глядя на Жанну.

– Это естественно. Возраст никому не добавлял красоты. Впрочем, как и беременность, – ответила та.

Банкир на секунду смутился.

– Нет, я не в том смысле, – поспешно сказал он. – Наоборот, вы стали намного красивее.

Губы Жанны изогнулись в вежливой улыбке, которая, вероятно, означала: «Благодарю за комплимент, но сейчас это не имеет никакого значения».

– Проверьте свои карманы, – сказал Юрий, поднимая вверх руку с измятой бумажкой. – Уверен, у каждого из вас точно такое же приглашение, как и у меня.

– Позвольте взглянуть? – Рэд учтиво посмотрел на Есина, и тот молча положил ему «билет» на раскрытую ладонь.

Пока режиссер, подслеповато щурясь, разглядывал смятый клочок бумаги, Алексей быстро обшарил свой костюм и спустя минуту держал точно такое же приглашение – мятое и потертое на сгибах, словно его долгое время таскали с собой в одном из отделений бумажника, забыв о его существовании.

– «Седая ночь», – вслух прочитал Балашов и удивленно воззрился на Рэда, словно тот мог что-то прокомментировать по существу вопроса.

– А у меня вот нет карманов, – заявила Жанна. Она осторожно поднялась и, подойдя к стульям, присела на один из них.

Юрий приподнял бровь:

– Это не означает, что билета при тебе нет.

Женщина поджала накрашенные ярко-красной помадой губы:

– Уж не хотите ли вы сказать...

– Хочу. Билет может быть в бюстгальтере. В трусах, наконец.

Щеки Жанны вспыхнули:

– Вы не очень-то корректны.

Есин, ничуть не смутившись, пожал плечами:

– Увы, в школе мне тоже так часто говорили. Но и ситуация, в которой мы все оказались, тоже далека от корректной. В конце концов, мы не на праздничном банкете, а внутри чертовой коробки, где нет ни дверей, ни окон.

Женщина метнула в сторону мужчины гневный взгляд:

– Вы ждете, что я начну при вас искать этот проклятый билет? В своем нижнем белье?

К ее изумлению, Юрий кивнул.

– Именно так, – подтвердил он. – Нужно понять, какого черта тут происходит. Если мы все в одной лодке, значит, от нас чего-то хотят. Ищи билет, детка.

– Я тебе не детка! – не выдержала Жанна. – Обращайся так к своим подругам!

Есин лишь снисходительно улыбнулся.

Чтобы пресечь назревающий конфликт, в разговор торопливо вмешался Рэд:

– У меня точно такая же бумаженция. И, похоже, я начинаю догадываться, что происходит...

Видя негодующий взгляд Жанны, Юрий демонстративно отвернулся.

– Мы тебя внимательно слушаем, Виктор Матюнин, – произнес он, в упор глядя на режиссера. – Похоже, тебе известно больше, чем нам.

– Я обязательно расскажу, – кивнул Рэд. Похоже, его немного покорило обращение Юрия, но он сделал вид, что не заметил фамильярности. – Только, пожалуйста, расскажите, как вы сами тут очутились. Хотя бы в двух словах. Алексей, не возражаете, если мы начнем с вас?

Балашов снова кашлянул и, сунув «билет» обратно в карман, заговорил:

– Мое повествование как раз и уложится в пару фраз. Как я уже сказал, мне нужно было посетить по служебным делам Счетную палату. Дело происходило днем, в центре города. Я вышел из офиса, сел в служебную машину, но водителя в ней почему-то не оказалось. Когда

я достал телефон и начал набирать его номер, неожиданно дверь автомобиля с моей стороны открылась, передо мной мелькнул неизвестный в маске, и через секунду я получил в лицо струю из газового баллончика. Потом я почувствовал удар в голову и потерял сознание. А очнулся уже здесь, когда меня привел в чувство Юрий. Вот, собственно, и вся история. Глаза, кстати, до сих пор щиплет.

– Охрененное приглашение в кино, – пробурчал Юрий.

– Жанна, а с вами что произошло? – полюбопытствовал Рэд.

– Мы с супругом собирались в гости, – помедлив, начала женщина. – Я уже была готова к выходу и ждала звонка от мужа – он ехал с работы и должен был забрать меня на машине. С его телефона действительно раздался звонок, я ответила, но услышала совершенно чужой голос. Незнакомец сообщил, что моему мужу на автостоянке стало плохо с сердцем и он попросил его позвонить жене, то есть мне. Вроде бы вызвали «Скорую помощь»... Голос описал внешность моего супруга, и у меня не было сомнений, что речь идет именно о нем. Мне показалось, что я даже слышала голос мужа. Он шептал, что я должна приехать как можно быстрее, мол, у него какое-то важное известие для меня. Я тут же вызвала такси и помчалась по адресу, который продиктовал мне незнакомый мужчина. Когда я приехала, мужа на стоянке не было. Стояла машина «Скорой помощи», причем, судя по логотипу, автомобиль принадлежал какой-то частной клинике. Из окна выглянул врач и помахал мне рукой.

– И, конечно же, врач был в маске, – внес уточнение Юрий.

Жанна смерила его презрительным взглядом:

– Да, врач был в респираторной маске. У тебя дурная привычка перебивать людей. Не учили в детстве вежливости?

– В детстве много чего было, разве все упомнишь, – последовал невозмутимый ответ Есина.

Рэд деликатно кашлянул.

– Продолжайте, Жанна, – попросил он, и женщина вздохнула:

– Да я уже почти закончила. Боковая дверь «Скорой» отодвинулась, и я, ни о чем не подозревая, залезла внутрь. В то же мгновение кто-то с силой прислонил к моему лицу влажную тряпку с химическим запахом. Я даже не поняла, как выключилась. Ну и все, потом я пришла в себя в этой жуткой и душной комнате. Помимо прочего, я очень переживаю из-за этой тряпки. Эта зараза, которой она был пропитана, может сказаться на моем ребенке...

– Когда это произошло? – уточнил Рэд.

– В пятницу, ближе к семи вечера. – Выдержав небольшую паузу, Жанна нехотя добавила: – Кстати, Юрий был прав. Вот так называемый билет... – Она помахала в воздухе выцветшей бумажкой. – Я нашла его в бюстгальтере.

По худому лицу режиссера скользнула тень тревоги. Внимательно наблюдавший за ним Есин едко усмехнулся:

– Что, все идет не так, как задумывалось, дружище?

– Я пока затрудняюсь с ответом, – сдержанно отозвался Рэд. – Может, теперь вы поведадите нам свою историю?

– Вряд ли она как-то повлияет на происходящее, – обронил Юрий. – Но поскольку почти все уже излили свои души, я тоже не буду исключением. Дело тоже было в пятницу. Мы с приятелем встретились в одном уютном местечке в центре города. В самый разгар вечеринки ко мне подошел официант и сообщил, что чья-то машина мешает проезду. Он назвал номер автомобиля, и я понял, что речь идет о моей тачке. Я вышел наружу и двинулся к машине. На мой взгляд, она стояла вполне себе нормально, не препятствуя проезду. Я решил выкурить сигарету, но как только сунулся за пачкой в карман, кто-то сзади огрел меня по голове чем-то тяжелым. Удар был сильным, потому что с того момента я не помню ничего. Вплоть до той минуты, как очухался в этой коробке. Вот и все.

Теперь все взгляды были устремлены на Рэда.

Первым не выдержал Алексей:

– Ну? Вы все слышали, теперь расскажите, что известно вам. Похоже, вы знаете больше, чем мы! – воскликнул он.

Режиссер уселся на один из стульев и принялся неторопливо разминать пальцы.

– Несколько дней назад на меня вышел один писатель, – начал он свой рассказ. – Может, вы слышали о нем, его зовут Евгений Таро.

– Таро? – оживился Юрий. – Слышал я про этого шизоида. Все его книги можно, не жалея, спустить в унитаз. Расчлененка, некрофилия, людоедство и прочая дрянь...

– Не перебивайте, пожалуйста, – каменным голосом произнесла Жанна, и Юрий умолк.

– В свое время Таро написал книгу по фильму «Седая ночь», в котором всем вам, мои друзья, довелось сняться, – продолжал Рэд. – Книга тоже обрела скандальную славу, хоть и не такую, как фильм. Таро поздравил меня с двадцатипятилетием выхода картины и известил, что по этому поводу устраивается частный банкет. Якобы будут приглашены все актеры фильма, при этом намекнул, что готовится какой-то сюрприз. Поскольку вечеринка приватная, Таро очень просил соблюдать конфиденциальность и никому не рассказывать о предстоящем событии.

– И у вас не вызвало подозрения, что какой-то чокнутый графоман всеми силами завлекает вас на частную вечеринку? – снова перебил режиссера Юрий. – При этом уговаривая не распространяться об этом мероприятии?!

Рэд улыбнулся и с миролюбивым видом развел руки в стороны:

– Видимо, я слишком доверчив и не придавал значения этим деталям.

– Дайте человеку закончить! – зашипела Жанна.

– Встреча была назначена у станции метро «Партизанская», рядом с автовокзалом. Признаться, меня это немного удивило, но Таро успокоил меня и сказал, что банкет будет проводиться в частном домовладении в Ногинском районе и нас повезет туда специальный автобус. В назначенное время я прибыл на место на такси. Мы встретились с Таро, и он проводил меня в минивэн с тонированными окнами. Как только я оказался в салоне микроавтобуса, кто-то надел мне на голову мешок. Я, как и Жанна, почувствовал резкий химический запах и тут же потерял сознание.

– И очнулись здесь, – закончил Алексей вместо режиссера.

Рэд кивнул.

– Это какое-то сумасшествие! – воскликнула Жанна. – Посмотрите вокруг... это что, похоже на вечеринку?!

– Это похоже на плен, – ответил Юрий. – Может, нас хотят продать в рабство?

– И что, в конце концов, случилось с моим мужем?!

– К сожалению, о вашем супруге мне ничего не известно, – со вздохом отозвался Рэд.

– Я больше чем уверен, что с твоим мужем все в порядке, – сказал Юрий. – И сейчас он, скорее всего, разыскивает тебя. Ты что, до сих пор не поняла, что это была замануха?!

Жанна молча смотрела на Есина, нервно кусая красивые губы со следами помады, которая уже почти вся смазалась.

– Ладно, если нас сюда заманил этот сумасшедший писатель, где он? – задал вопрос Алексей. – Где сам Таро? И еще... как все-таки мы сюда попали? Я не вижу ни одной двери!

– Меня куда больше волнует, как отсюда выйти, – хмуро произнес Юрий. – У меня такое ощущение, что все швы этого стального ящика, в котором мы оказались, попросту заварили. Намертво.

Он снова приблизился к стеклу, внимательно оглядывая его, от пола до потолка.

– Там сзади ширма, – сказал он, прищурившись. – И эта хрень наверняка отодвигается.

На губах Рэда заиграла снисходительная улыбка:

– Логично, если нам предстоит смотреть кино.

– У кого какие мысли? – спросил Балашов. – Или будем просто ждать?

– Хрен его знает, – отозвался Юрий. – Но я, если честно, дышаю от жажды.

Банкир переступил пухлыми ногами и с тревогой произнес:

– А я... прошу прощения, не прочь бы сходить в туалет.

Юрий засмеялся безрадостным смехом:

– Это намек, толстяк? Как в детстве, «не дадим друг другу умереть»?

Круглое лицо Алексея пошло красными пятнами:

– Я не это имел в виду. И...

– Вон ведро, – не дал ему закончить Юрий, махнув рукой в угол помещения.

«Раз в качестве сортира поставлено ведро, то оно должно меняться», – внезапно подумал он, наблюдая за Алексеем. Тот, нерешительно потоптавшись еще около минуты, наконец двинулся к «туалету».

– Жанна, извините, – пробормотал он, торопливо расстегивая ширинку. Вскоре послышалось негромкое журчание, и Юрий усмехнулся, заметив, как поджала губы женщина.

– Нечего извиняться, – сказал он. – Через какое-то время каждый из нас воспользуется этой хреновиной. Еще скажите спасибо, что нам хоть ведро оставили.

Рэд с сочувствием смотрел на Жанну, которая то и дело смахивала со лба капли пота.

– Вам плохо?

– Трудно дышать, – ответила она. – Здесь очень душно.

– Мне очень жаль, но я все же надеюсь, что скоро все эти неудобства закончатся, – проговорил режиссер.

– Зачем ты вообще поехала? – осведомился Юрий. – В твоём положении дома нужно сидеть.

Жанна понуро опустила голову:

– Отчасти ты прав... нельзя было срывать, но как только я услышала, что мужу плохо, меня словно переклинило.

К компании вернулся Алексей, беспокойно теребя пуговицу на измятом пиджаке.

– Посмотрите наверх, – сказал он. – Вон те два плафона, видите?

Есин, прищурившись, запрокинул голову, разглядывая идеально гладкий потолок.

– Ну и что?

– Присмотрись. Похоже, это встроенные видеокamеры. Они и расположены так, чтобы снимать с разных ракурсов.

Юрий переводил озабоченный взгляд с одной темнеющей лампы на другую. Затем встал на стул. Приглядевшись повнимательней, он наконец заметил едва различимый красный огонек, сонно пульсирующий в глубине «лампы».

– Улыбайтесь, мать вашу, – процедил он. – Вас снимает скрытая камера.

Он собирался добавить еще что-то, но его внезапно прервал резкий пронзительный звонок, словно ланцетом рассекший душный воздух помещения. Это было так неожиданно, что Юрий, вздрогнув, едва не свалился со стула. Выругавшись, он спрыгнул на пол, гулко стукнув подошвами туфель.

Жанна испуганно завертела головой:

– Что это? Пожарная тревога?!

Рэд покачал головой и поднял бумажный стакан с пивом.

– Нет, не похоже. Это... – Он приблизил стакан к лицу, потянув крючковатым носом.

– ...звонок на сеанс, – закончил вместо него Алексей. – Помните, как раньше было в кинотеатрах?

– Нас хотят заставить смотреть фильм, – тихо сказал Рэд. – Значит, нам придется его смотреть. В данной ситуации иного выхода я не вижу.

Помедлив, он отхлебнул из стакана. Сделав глоток, поморщился, затем посмотрел на Юрия:

– Вы, кажется, хотели пить. Это обычное пиво, разве что немного выдохшееся. Пейте. Я нисколько не сомневаюсь, что в нем нет никакой отравы. Это было бы слишком глупо.

– Слишком глупо для чего? – спросил Юрий. – Чтобы разделаться здесь с нами? Согласен. Засунуть нас сюда только для того, чтобы отравить, – как-то нелогично, правильно я тебя понимаю? Затраты превышают удовольствие от представления.

– О боже, нет, – испуганно замотала головой Жанна. – Что вы такое говорите?! Какое представление?!

– Если планировалась вечеринка, почему о ней сообщили только Рэду? – продолжал Юрий. – Заметьте, все мы, кроме него, оказались тут насильно. Только Рэд поехал сам. Как осел за морковкой, соблазнившись халявным банкетом и мнимой славой за свои бестолковые фильмы.

– Юрий, хватит! – не выдержал Алексей. – К чему сейчас эти оскорбления? Сейчас не время для них!

Он нервно моргнул, когда один за другим прозвучали еще два нетерпеливых звонка.

– Присаживайтесь, Жанна, – произнес Рэд. Он улыбался, но в глазах его, словно раненая тигрица, металась паника.

– Я вам скажу, почему никого из нас не позвали на вечеринку, – снова заговорил Юрий. – Потому что существовал риск того, что кто-то откажется от этой тусовки. А у того, кто все это затеял, должна была быть стопроцентная гарантия, что вся компашка будет в сборе. Я нисколько не сомневаюсь...

– Юрий, заткнитесь, – тихо проговорил Рэд, и тот с недоумением воззрился на режиссера. Его лицо медленно наливалось кровью, пальцы сжались в кулаки.

– Сядьте. Психоз еще никогда не способствовал решению проблемы, – продолжил Рэд. – А вы похожи на кипящий котел, у вас того и гляди крышка слетит. Сядьте и постарайтесь держать себя в руках.

Сжав скулы, Есин плюхнулся на стул и откинулся назад. Металлическая спинка больно врезалась в спину.

«Хорошо еще сиденье без гвоздей», – шевельнулось в мозгу. Он смерил Рэда уничижительным взглядом, но тот и ухом не повел.

– Господа, я тут подумал, – раздался нерешительный голос Алексея. – Насколько я понял, в этом бункере собрали всех тех, кто снимался в фильме «Седая ночь»...

– Совершенно верно, – отозвался Рэд, не отрывая взора от стены с «экраном».

– Тогда где Елена? Я забыл ее фамилию... Она играла роль матери Жанны.

– Елена Лосева, – ответил Рэд. – Она умерла несколько лет назад. Кстати, была волонтером и много лет занималась благотворительностью.

Юрий поднял стакан с пивом, принюхался.

«Эх, да черт с ним!» Вздохнув, он одним жадным глотком осушил сразу половину. Поперхнулся, закашлявшись.

– Это самое отстойное пиво, которое мне приходилось пробовать, – поморщился он, но тем не менее допил остатки.

– Вы зря выпили все, – сказала Жанна. – Неизвестно, когда нас действительно пригласят к столу... Как считаете, Рэд?

Режиссер лишь плотнее сжал тонкие губы.

Наконец раздались финальные три звонка, и шторы за пуленепробиваемым стеклом начали медленно разъезжаться в стороны.

Совершенно некстати в голову Юрия закралась абсолютно безумная и вместе с тем не лишённая изошрённой логики чудовищная мысль: «Сейчас нам откроют сцену, где на цепях

подвешены наши родные и близкие нам люди, которых будут резать на наших глазах. Это будет расплатой за наш фильм. Тот фильм».

Нарисованный сознанием образ был настолько реалистичным, что спина мужчины мгновенно покрылась липкой испариной.

– Почему мы здесь? – прошептал он.

На экране замерцала смазанная картинка, словно съемка велась через залитое дождем стекло, и через секунду перед глазами четырех зрителей высветились слова:

СЕДАЯ НОЧЬ

Жанна трясущейся рукой подняла стакан с пивом, и это не ускользнуло от Алексея.

– Вряд ли это будет хорошо для вашего ребенка, – сказал он, покачав головой. – Тут есть кола.

– Что пиво, что кола – одинаковая дрянь, – бросила она, но пиво поставила на место.

Алексей пожал плечами:

– Как хотите.

После минутной внутренней борьбы с самой собой Жанна все-таки взяла стакан с кока-колой. Пальцы ее дрожали, и когда она пила, несколько капель сладкой газировки попали на ее набухшую грудь.

– Я хочу домой, – выдавила она, и глаза женщины повлажнели от слез.

Режиссер накрыл ее руку своей сухой ладонью, и Жанна, всхлипнув, замолчала.

– Никогда еще не чувствовал себя так по-идиотски, – сказал Алексей. Подумав, он зачерпнул горсть попкорна и, бросив в рот несколько раздутых зерен кукурузы, меланхолично захрустел ими.

Рэд не отрывал глаз от экрана. И хотя, будучи создателем «Седой ночи», свое самое раннее и скандальное творение он видел десятки раз, сейчас он испытывал целую гамму многообразных ощущений – от легкого трепетного волнения до пьянящего возбуждения, присущего подростку в период полового созревания, когда он впервые видит перед собой обнаженное женское тело.

Вперив пылающий взор в экран, Рэд Локко позабыл обо всем на свете. Все, что его тревожило последние несколько минут: душная камера без окон и дверей, раздраженные и испуганные коллеги по несчастью, оказавшиеся актерами пресловутой кинокартины, и даже расколотые очки – все это растаяло как дым. На данный момент весь мир был сосредоточен на экране...

* * *

«Седая ночь», 1995 г., действие первое

Пустынная извилистая дорога, с обеих сторон сдавливаемая высоченным сонным лесом, смахивала на серую змею фантастических размеров. Начался ливень, и разбитое асфальтовое покрытие заблестело от пузырящихся луж, будто чешуя, что еще больше придало старой дороге сходство с пресмыкающимся.

Сверкающий от воды аспидно-черный «Мицубиси Галант» мчался по трассе, опасно виляя из стороны в сторону. Двухлитровый двигатель мерно урчал, выжимая из иномарки сто сорок километров в час. Из салона автомобиля доносились лязгающе-хриплые аккорды

«Overkill». В машине было двое молодых людей, обоим не больше двадцати – двадцати трех лет.

– Хлебнешь, Карпыч? – спросил у водителя пассажир, приподнимая початую бутылку рома. – Не бойся, тут уже никого нет. Все менты в городе остались. Здесь разве что облезлый заяц свой нос из кустов высунет.

Водитель, худощавый молодой человек в очках, с сомнением взглянул на бутылку:

– Я не боюсь.

– Боишься.

С этими словами пассажир, крепкий жилистый парень с коротко стриженными волосами, сделал долгий глоток и, поморщившись, рыгнул.

– Там фанта где-то была, – сказал Карпыч. Он мотнул головой, и его обрезанные под каре светлые жидкие волосы вяло колыхнулись. – Запей, если хочешь.

– Все нормуль. Хочешь, я поведу? – предложил пассажир. – Расслабишься.

– Не, Фил. Я уже настроился на дорогу. Да ты не парься насчет меня.

Карпыч снова посмотрел на бутылку, которую Фил все еще соблазнительно покачивал в воздухе, и наконец решился:

– Хотя... давай сюда. А то все вылакаешь, пока доедем.

Жилистый парень засмеялся лающим смехом.

– У нас полный багажник кваса, – напомнил он, передавая водителю ром. – И еще кое-что на десерт есть. – С этими словами он похлопал себя по нагрудному карману джинсовой рубашки и заговорщически подмигнул Карпычу.

Водитель, не снижая скорости, сделал два долгих глотка. Машину слегка повело в сторону, но Карпыч вовремя вернул ее на середину трассы.

– Сколько еще хреначить? – поинтересовался Фил.

– Я не помню, – отозвался Карпыч. – Где-то около часа.

– А как хоть их дача называется? Не прощелкаем клювом?

Водитель покачал головой:

– Там указатель будет.

Новая композиция треш-группы началась с барабанной дробы, и Фил, увеличив громкость, принялся хлопать себя по колену в такт музыке. Глаза молодого человека сверкали неестественным блеском, кончик языка то и дело пробегал по губам.

– Скучаешь по Лерке? – усмехнулся Карпыч.

Фил неопределенно мотнул головой и вновь отпил из бутылки.

– Эта сука возомнила себя черт-те кем, – ответил он, передавая ром другу. – И разговор наш не был закончен. Так что вопрос наших отношений остается открытым.

– Остынь, дружище, – посоветовал Карпыч. Не отрывая взора от дороги, которая мелькала впереди серой лентой, он снова приложился к бутылке. – Она, конечно, стерва, но и ты не подарочек.

Фил скривился. Помедлив, он уже хотел что-то ответить, но в этот момент ожил пейджер, пришпиленный к его кожаному ремню.

– Кто-то про нас вспомнил, – сказал парень, приближая к глазам крошечный экран «Моторолы». – Черт!

– Что еще за хрень? – осведомился Карпыч.

– Вот суки! – выругался Фил, еще раз прочитав высветившееся сообщение. – Гулянка у Кролика отменяется. Его старики без предупреждения нагрянули на дачу.

– Гонишь?! – не поверил Карпыч.

– Точно, сам написал. Такими вещами не шутят.

Отвлечшись от дороги, Карпыч метнул взор на пейджер, который все еще держал в руках Фил. В эту же секунду впереди мелькнула неясная тень и «Мицубиси» трянуло от резкого

удара. Что-то темное и продолговатое, ударившись о лобовое стекло, перелетело через автомобиль и грузно шлепнулось в лужу. Надсадно завизжали покрышки, и машина остановилась.

– Твою мать! – гнусаво заорал Фил. От столкновения его тело, не сдерживаемое ремнем безопасности, швырнуло вперед, отчего он сильно ударился головой о стекло, расквасив себе нос. Бутылка с остатками рома и пейджер вылетели из его рук.

– Че это было? – хрипло спросил Карпыч, тяжело дыша. Он медленно потирал ушибленную о рулевое колесо грудь. Дворники со скрипом продолжали смахивать с лобового стекла, покрытого расплзающейся паутиной трещин, длинные струи воды. – Лось? Или твой облезлый заяц?!

– Не имею понятия, – огрызнулся Фил, открывая дверь. – За рулем был ты, и именно ты должен был следить за дорогой, мудака.

Они вышли из машины.

* * *

– Извините, но я не могу на это смотреть, – сказала Жанна, невольно отводя взгляд от экрана.

– Я где-то читал, что ребенок в утробе с самых первых недель начинает впитывать информацию, которую получает мать, – подал голос Алексей. Он продолжал горстями поглощать попкорн, изредка запивая его выдохшимся пивом. – Поэтому врачи советуют беременным не смотреть агрессивного характера фильмы. Это же касается и музыки, и книг...

– Да. А перед сном надо почистить зубы и помолиться, – усмехнулся Юрий.

Ему стоило немалых трудов заставить себя поверить в то, что Фил на экране и нынешний он, сидящий на железном стуле, приваренном к полу, – один и тот же человек. Хотя и прошло уже ни много ни мало двадцать пять лет...

Он поднялся и расстегнул на рубашке пару пуговиц.

– И что дальше? – вслух произнес он. – Ну посмотрим мы это дерьмо, в котором снялись четверть века назад, и что потом?

Юрий шагнул в сторону, и тут же воздух содрогнулся от оглушительно-пронзительной сирены. Нервно мигнули лампы, и картинка на широченном экране за стеклом замерла, словно кто-то невидимый нажал на паузу. Жанна испуганно вскрикнула.

– Что еще за новости? – возмутился Алексей, ставя на пол наполовину опустошенное ведерко с попкорном.

Сирена продолжала завывать, и от этих жутких надрывных звуков, казалось, дрожали и вибрировали стены. Это не было похоже на сигнал «Скорой помощи» или воздушной тревоги. Рэд вдруг подумал, что эти монотонные звуки, словно бритвы рассекающие плотный воздух в их так называемом «кинотеатре-для-избранных», больше напоминали жуткий скрежет, предупреждающий об опасности на какой-нибудь космической станции из фильма ужасов.

Режиссер поднял руку, желая привлечь внимание.

– Мне кажется, я знаю, в чем дело! – воскликнул он, стараясь перекричать сирену. – Нас посадили, чтобы мы смотрели фильм! А значит...

Алексей поморщился, зажав уши.

– Юрий, сядьте на место! – взвизгнула Жанна.

Рэд устало кивнул:

– Вы меня опередили.

Есин, не веря в происходящее, огляделся и остановил свой взор на замершем кадре фильма – в этот момент он и Карпыч, которого играл Алексей, подошли к сбитой ими пожилой женщине, тело которой было распостерто на мокрой трассе. Он вернулся к стульям и медленно опустился на сиденье. Разрывающие барабанные перепонки звуки тут же оборвались.

«Будто шкатулку резко захлопнули – бац, и тишина», – подумал он.

Через секунду картинка на экране ожила и кино возобновилось.

– О господи... – вздохнула Жанна. – У меня такое ощущение, словно напильником по зубам прошлись...

«Значит, нас не просто пригласили посмотреть фильм Рэда Локко, – догадался Юрий, и поселившаяся в нем доселе тревога переросла в отчаянный страх, сдавливающий его глотку ледяными пальцами. – Нас заставляют смотреть эту мерзкую чернуху!»

Моргнув, он уставился на экран.

Юрий старался гнать от себя безумные мысли, но робкий шепот рассудка не давал ему покоя, словно застрявшая под ногтем стружка, – а что было бы, не вернись он на свое место?! Сирена продолжала бы резать по ушам, пока у них у всех не поехала бы кукуха?! Или громкость увеличилась бы настолько, что у всех зрителей из ушей и ноздрей хлынула бы кровь?!

Он не хотел даже думать о возможном развитии событий при подобном раскладе.

– Вероятно, нам нужно сказать спасибо, – сказал Рэд.

– С какого хрена? – недружелюбно отозвался Юрий.

– Нас могли привязать к сиденьям и вставить распорки в глаза. Как в «Заводном апельсине».

– Классный роман, – похвалил Балашов. – Читал его в школе. Там пытались лечить одного юного отморозка, заставляя его смотреть фильмы о насилии.

– Совершенно верно. Кстати, этого парня звали Алекс. Почти как вас, – произнес Рэд.

– Что будет после фильма? – дрогнувшим голосом спросила Жанна. – Нас ведь не смогут держать тут вечно?!

– Вопрос риторический, – вздохнул Алексей. Он допил пиво и непроизвольно посмотрел в сторону ведра, куда помочился полчаса назад. – Но пока что гостеприимством тут и не пахнет.

– Похоже, господин Матюнин считает иначе, – влез в разговор Юрий. – Ему, судя по всему, до сих пор кажется, что как только закончится фильм, заиграет победный марш, эта гребаная коробка – уж не знаю как! – развалится, будто карточный домик, и нас встретят с цветами, приглашая к праздничному столу. Нам будут наливать шампанское и поздравлять с юбилеем, а мы начнем раздавать автографы... Так, Витя?

– Юрий, я бы просил вас называть меня так, как это принято в обществе, в котором я живу, – внешне спокойно проговорил Рэд. Было видно, что язвительное обращение Есина оскорбляет его и ему из последних сил удается сохранять самообладание. – Если вы забыли, то напоминаю: меня зовут Рэд Локко.

– И что ты сделаешь, если я назову тебя вонючей воблой? – прищурился Юрий. – Здесь ты никто, Витя. И все твои сомнительные заслуги в области кинематографии стоят не больше содержимого вон того ведра.

– Прекратите! – крикнула Жанна. – Хватит уже собачиться!

На скулах Юрия заиграли желваки, но он ничего не сказал.

– Те, кто запер нас здесь, хотят, чтобы мы посмотрели фильм, к которому каждый из нас имеет непосредственное отношение, – после некоторой паузы сказал Рэд. – От нас сейчас мало что зависит. Поэтому... давайте пока обойдемся без резких телодвижений.

– Напомнить, что происходит с рыбой, когда она, попавшись на крючок, ведет себя так, как предлагаешь ты? – тихо спросил Юрий, но режиссер уже не обращал на него внимания, сосредоточившись на экране.

– За нами наблюдают, – сообщил Алексей, мельком взглянув на камеры. – И, похоже, постоянно. Сирена сработала мгновенно, как только ты встал! Я же сразу сказал, что здесь видеокamеры!

– Это что-то меняет? – прошептала Жанна. Она глубоко дышала, обхватив живот руками. – Похоже, нас засунули сюда как подопытных мышек...

Рэд поправил очки и кашлянул.

– «Седая ночь» идет всего один час, – проговорил он. – Наверняка после финальных титров что-то прояснится. Не будут же нам крутить этот фильм безостановочно?!

Жанна перехватила его взгляд, в котором смешалось все – усталость, страх и робкая надежда. Надежда на то, что все происходящее, несмотря ни на что, является шуткой. Неудавшейся, злой и сильно затянувшейся, но – шуткой.

«Место – любое. Время – в любое время», – вспомнила она так называемый «билет», и ее будто обожгло холодом.

«А если эту жезть будут крутить постоянно? Двадцать четыре часа в сутки?!»

Жанна посмотрела на свои ухоженные руки – они мелко тряслись.

За минуту до окончания фильма Юрий почувствовал странное возбуждение. Черный «Мицубиси Галант» вновь несся по пустынному шоссе, на этот раз уже в обратном направлении. Картинка стремительно отдалялась, обзор увеличивался, и вот уже одинокая машина превратилась в чуть заметное пятнышко, не больше мухи. В последние секунды камера дала панораму вверх, в предрассветное небо, открывая потрясающий вид еще дремлющего леса, окутанного легкой дымкой тумана.

– Сейчас откроется потайная дверь, и сюда зайдет узкоглазая уборщица, убирать пустые бутылки и другой мусор, – фыркнул Юрий. – Вот только зеленой светящейся надписи «выход» нигде не видно.

Алексей поднялся с сиденья, стряхнув с рубашки крошки попкорна. И ведро из-под кукурузных хлопьев, и стакан из-под пива были пустыми.

– Интересно на себя взглянуть спустя двадцать пять лет, – сказал он, бросил печальный взгляд на выпирающий рыхлый живот. – Время к нам, конечно, безжалостно. – Банкир сделал осторожный шаг в сторону и с надеждой добавил: – По крайней мере, сейчас сирена не срабатывает.

– Правильно, фильм-то закончился, – угрюмо сказала Жанна.

Экран, словно очнувшись, замерцал голубоватым светом, и через мгновение перед изумленными зрителями появилась мультяшная девочка с копной рыжих волос и веснушчатой милостливой мордашкой, на которой сияла озорная улыбка. На ней было короткое розовое платьице в белый горошек и синие сандалики, причем ножки-крохи по своей форме больше смахивали на округлые ступни слоненка. В непослушные вихры девочки были небрежно вплетены два фиолетовых банта – один горделиво торчал вверх, другой уныло свисал вниз. Правой рукой она, словно заправский баскетболист, неторопливо стучала об пол мячиком, который ритмично пульсировал, словно сердце, только что вырванное из грудины.

– Это что за чучело? – ошалело произнес Юрий.

Рыжеволосая девочка взяла мячик в руки и уставилась на людей за стеклом, невинно хлопая глазами.

– Привет, – заговорила она, и улыбка на ее круглом личике стала еще шире. Голос забавной малютки звучал как у диснеевского Дональда Дака. – Разрешите представиться – меня зовут Ах. Мы рады приветствовать вас в нашем кинотеатре. Надеемся, вы с пользой проведете время. Я менеджер по административным вопросам и сразу перейду к делу. Итак, поехали. Ну, во-первых, вам наверняка интересно знать, сколько сейчас времени. Чтобы не было путаницы, сразу скажу, что сейчас уже ночь.

Пухлый пальчик «менеджера» уткнулся в верхний левый угол экрана, где тут же появилось электронное табло с цифрами. До часу ночи оставалось еще шесть минут.

– Во-вторых, у каждого из вас есть ведро с попкорном, – продолжала Ах. – На нем этикетка, лишь прихваченная клеем, и под ней вы увидите распорядок дня. Это режим, по которому отныне вы будете жить в нашем кинотеатре.

Пока Рэд и другие обалдело таращились на экран, с видом загипнотизированных слушая рыжую озорницу, Юрий подхватил свое ведро и, зацепив краешек этикетки, одним рывком содрал ее с картонной основы. Перед его изумленным взором открылась аккуратная наклейка с только что упомянутым распорядком дня, который был отпечатан на обычном принтере.

– Третье, – как ни в чем не бывало тараторила Ах. – Как вы уже поняли, фильм нужно смотреть. Вставать во время сеанса запрещено. Спать нельзя – на сон у вас будет выделено время. Разговаривать и отворачиваться тоже воспрещается. В противном случае будет включена сирена. При дальнейшем отказе соблюдать правила кинотеатра меры воздействия будут усилены.

– Что за бред?! Это немыслимо! – не выдержала Жанна. Она буквально задыхалась, словно угроза мультяшной шалуньи с несуразными бантами уже начала воплощаться в жизнь. – Вы сошли с ума! Какие фильмы, какие меры воздействия?! У меня последние недели беременности, немедленно выпустите нас отсюда!

Ах с укоризной посмотрела на Жанну, и та сразу же умолкла. Было что-то пугающее в небесно-голубых глазах этой ненастоящей девочки.

– Не перебивайте меня, пока я не закончила, – сказала Ах и, сдвинув брови, погрозила в воздухе пальчиком. Через секунду ее личико снова расплылось в добродушной улыбке. – В-четвертых, ваше питание. Попкорн и пиво. Соглашусь, меню не блещет разнообразием. – Ах сокрушенно покачала головой. – Но мы можем гарантировать, что еду вы будете получать три раза в день. Ну, кроме Жанны. Учитывая ее положение, вместо пива ей будет выделяться обезжиренное молоко. Что еще?

Она озабоченно посмотрела на мячик, словно ища на нем подсказку.

– Мыться вам не придется, потому что душа здесь нет. – Девочка почесала нос. – Но это и неудивительно. Где вы видели кинотеатры с душем? Аха-ха.

– Послушай, милая, – заговорил Рэд, но Ах не дала ему договорить, предупредительно поднеся указательный пальчик к своим пухлым губкам:

– Тсс. У вас будет время задать вопросы.

Режиссер умолк, потрясенно глядя на веснушчатое существо, улыбающееся во весь рот. Если бы не трехмерная анимация, он был готов поклясться, что перед ними вполне реальная рыжеволосая малолетка, бесцеремонная, с хорошо подвешенным языком, которая точно знает, чего хочет.

– И, наконец, пятое. – Ах подбросила мячик в воздух. – Как вы успели заметить, здесь есть туалет. Тоже ведро, только железное. Оно будет меняться дважды в сутки, время увидите в распорядке дня. Бумаги, извините, нет. Бумага, – мячик вновь полетел вверх, – стоит денег, ребята. Но у вас есть билеты. Если сильно ухитриться, каждый из вас может потереться как минимум один раз.

Хитро прищурившись, Ах обвела всех многозначительным взглядом.

– Сука, – процедил Юрий, и улыбка сползла с лица «менеджера». Мячик, который она подбросила в воздух, стукнул ее по голове, и фиолетовые банты задрожали, будто цветы на подоконнике, обдуваемые сквозняком.

– А вот грубить не советую, – тихо произнесла она и ударила своей смешной ножкой по мячику, который укатился за пределы видимости. – Я никого из вас не оскорбляла.

Рэд поднял с пола почти нетронутое ведро с попкорном. Руки его сотрясала мелкая дрожь, и несколько хлопьев высыпалось ему на колени.

– Распорядок, говорите? – сквозь зубы произнес он, пытаясь содрать с ведерка фирменную наклейку.

– И еще, уважаемые гости, – мурлыкающим голосом произнесла Ах. – Пожалуйста, соблюдайте общепринятые правила приличия. Кричать бессмысленно – здесь надежная шумоизоляция. Портить имущество нашего кинотеатра тоже бесполезно. Стекло, через которое я

веду с вами беседу, представляет собой так называемую прозрачную броню. Оно сделано из соединений силикатного стекла с полиуретаном. По степени защиты оно способно выдержать выстрел из охотничьего ружья или пистолета. Крушить стулья тоже не рекомендую. Не вы их устанавливали, не вам и ломать.

Алексей вытер влажный от пота лоб. Его мясистое лицо было белым, как бумага.

– Уф... вроде ничего не забыла, – задумчиво сказала Ах, слегка склонив голову. – А теперь можете меня о чем-нибудь спросить. Только имейте в виду, каждый из вас вправе задать только один вопрос.

В «кинотеатре» повисла гнетущая тишина. Четверо пленников, растерявшись, смотрели друг на друга, словно в поисках взаимной поддержки.

– У вас есть четыре минуты, – заметила девчушка и чихнула. Из одной ноздри выскочила сопля, но Ах, подмигнув, шмыгнула носом, втягивая ее обратно.

– Твою мать, – выдавила Жанна. – Скажите мне, что я сплю. Пожалуйста.

– Ты не спишь, – ответил Алексей, не сводя напряженного взгляда с мультяшной девочки. – Это не сон, пора уже уяснить.

– Время идет, – напомнила Ах. – На каждого отведена минута.

– Когда вы нас выпустите отсюда?! – выкрикнул Алексей. Он поднялся со стула, с колотящимся сердцем глядя на экран.

Девочка ухватилась руками за уголки платяца и, оттянув их в сторону, начала приплясывать.

– Этот вопрос вне моей компетенции, – хихикнула она, делая реверансы. – Есть вещи, на которые я не могу ответить. Сожалею, но ваш вопрос отправляется в корзину. Аха-ха.

– Чертова стерва, – одними губами выругался банкир, с отвращением глядя на кривляющуюся девчонку.

– Но я могу вас уверить, что в ближайшие дни – вы наши почетные гости, – прибавила Ах. – И все наше внимание будет уделено только вам. Вы должны гордиться оказанной вам честью. Вам будут показывать фильм, а также кормить, причем совершенно бесплатно! Впрочем, я отвлеклась. Второй вопрос!

Рэд уже открыл было рот, но Юрий его опередил:

– Где выход из вашего долбаного кинотеатра?

Ах крутанулась на ножке, взметнулись ее рыжие вихры с бантами.

– Он перед вами. Но, как я уже сказала, вас это не касается. Для вас, дорогие гости, в нашем кинотеатре предусмотрен только вход... Следующий!

– Эй, постой! – вскипел Юрий. – Как это «не касается»?! Рыжая прошмандовка! Такие ответы не прокатят! Отвечай нормально!

Девочка остановилась, насупившись.

– Кто обзывается, тот сам так называется, – проговорила она, надув розовые губки. – Прошмандовка твоя мама. Понял, кретин?

У Есина отвисла челюсть. Несколько секунд он оторопело таращился на Ах, после чего его пальцы сжались в кулаки, а глаза стали наливаться кровью.

– Я не знаю, кто прячется за твоей веселой личиной, детка, – прошипел он, делая шаг вперед. Уперев кулаки в пуленепробиваемое стекло, Юрий продолжил: – Но клянусь, как только я доберусь до тебя, ты пожалеешь о том, что родилась. Или родился. Потому что у меня есть подозрение, что по ту сторону экрана сидит жирный потный урод, развлекающийся с интерактивной куклой. Поднимает свою грязную ногу, и ты повторяешь его движения, да?!

Ах жеманно поправила один из бантов.

– А ты не так глуп, как кажешься, – обронила она и, сунув палец в нос, стала сосредоточенно в нем ковыряться. – Жаль, у меня нет времени на дальнейшую дискуссию с тобой, дядя.

Но если ты хочешь знать, пытается ли кто-то еще, кроме меня, вытащить из носа козявку, то я тебе отвечу – нет. Это делаю только я. Ясно тебе?

Вытащив из ноздри палец, девочка внимательно его осмотрела, затем вытерла о платье.

– Я делаю последнее предупреждение за оскорбление, – сказала она, обводя всех четверых ясным и чистым, как безоблачное небо, взглядом. – Это касается вас всех. Если подобное повторится, наказаны будут все.

Закончив, Ах вновь закружилась в нелепом танце.

В глазах Юрия скользнула жгучая ненависть, и только усилием воли он удержался от резкой реплики. Сам факт и осознание того, что он стоит и разговаривает с нарисованной приплясывающей идиоткой, которая вздумала ему угрожать, вводили его в ступор, который, медленно тлея, словно угли, вот-вот грозил перерасти в яростный взрыв.

– Простите нас, – раздался робкий голос Рэда, и черты лица Ах разгладились. – Не нужно никого наказывать.

– У вас осталось два вопроса, – великодушно разрешила девчонка.

Локко вопросительно посмотрел на Жанну, но она лишь качнула головой, словно этим жестом уступая свою очередь задавать вопросы режиссеру.

– Вы все время говорите «мы», – осторожно произнес Рэд. – Я так понимаю, что над вами, уважаемая Ах, есть соответствующее начальство. В общем, мой вопрос такой: кто у вас главный?

Девочка надула щеки и хлопнула по ним ладошками. Звук получился забавным, словно ребенок пытался изобразить, как пускают газы.

– Ох, – с торжественным видом провозгласила она.

Рэд терпеливо улыбнулся, напоминая врача, который во время утреннего обхода заглянул в палату к умалишенным.

– Что вы так смотрите? – усмехнулась девочка. – Я вам ответила.

– То есть? Я жду ответа на мой вопрос.

– Я вам ответила.

У режиссера вытянулось лицо:

– Не понял.

– Мой начальник – Ох, – снисходительно пояснила она. – Что тут непонятного?

Теперь уже Рэд с застывшей улыбкой выглядел словно недоразвитый.

– Последний вопрос, – с этими словами Ах устремила взор своих светло-голубых глаз на Жанну. – Могли бы, кстати, уступить очередь даме, – добавила она словно между прочим.

Обхватив руками живот, Жанна медлила. В голове царил полный хаос, мысли кружились в беспорядочном вихре, мешая сфокусироваться на главном. Все, что казалось важным, куда-то испарилось, уступив место обволакивающему страху, к которому примешивалась какая-то несущественная ерунда. Ребенок внутри нее принялся нетерпеливо толкаться, словно разделяя с матерью нависшую опасность.

Между тем Ах требовательно смотрела на нее, уперев руки в бока.

– Ну?

Вопрос выскочил на поверхность сознания, словно пузырек воздуха:

– Скажите, мы... умрем?

Трехмерное анимационное изображение рыжеволосой шалуньи изогнулось в очередном реверансе.

– Да, – не задумываясь, ответила Ах.

Жанна закусила губу, всеми силами заставляя себя подавить отчаянный вопль, который рвался наружу. На губах, где еще блестели остатки помады, выступила капля крови.

– Мы все когда-нибудь умрем, – простодушно улыбнулась Ах. – Ну а теперь разрешите откланяться, меня ждут мои менеджерские дела. Их просто невпроворот, аха-ха. На вашем месте я бы укладывалась спать, скоро утро. Спокойной ночи!

Не успела она произнести последнюю фразу, как экран погас. Лишь в самом углу продолжало мерцать табло, указывающее время. Оно показывало 00:09.

Несколько секунд все четверо стояли в полном оцепенении, не в силах вымолвить ни слова.

– Что это было? – наконец сиплым голосом спросил Алексей. – Что мы сейчас видели?! У нас массовые галлюцинации?!

– Сразу у всех? – недоверчиво возразил Рэд.

– Все может быть, – ответил Юрий, пробежав глазами по распорядку дня на ведерке из-под попкорна. – Я советую всем изучить этот любопытный документ. Судя по всему, в таком режиме нам придется жить, как сказала эта рыжая засранка, «ближайшие дни».

Алексей молча взял свое ведерко. Жанна присела на сиденье, глубоко дыша. В ее голове все еще эхом звенели слова нарисованной девочки.

«Мы умрем! – в ужасе повторила она про себя, почувствовав тошноту. – О боже!..»

– Ближайшие дни, – медленно повторил Алексей, словно пробуя это словосочетание на вкус. – Понятие растяжимое. Это может быть и три дня, а может быть и две недели. А может... – Он умолк, будто боясь закончить мысль.

Рэд, шурясь, приблизил к глазам картонное ведерко.

– Шрифт слишком мелкий для меня, – пожаловался он. – К тому же очки разбиты и здесь довольно темно... Вы не могли бы зачитать вслух, что там написано?

– С удовольствием, – недобро усмехнулся Юрий. – Итак, дорогие гости, вот что нас ждет... 5:00 – подъем, 5:15 – туалет, 5:30 – завтрак, 6:00 – кино, 12:00 – обед, 12:30 – свободное время, 13:00 – кино, 19:00 – ужин, 19:30 – свободное время, 19:45 – туалет, 19:50 – организационные вопросы, 20:00 – кино, 00:00 – отбой.

Юрий поднял голову, его взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Я правильно понял, что нам будут показывать только один фильм? Тот, в котором мы снимались? Поправьте меня, если я ошибаюсь.

Никто не решился ответить, потому что и так все было очевидно.

– Отличный способ свести с ума, – пробормотал Есин. Он смял ведерко и швырнул его в стекло. Отскочив, как мячик, оно упало перед железными стульями.

– После этого распорядка дня я почему-то вспомнил пионерский лагерь, – выдавил жалкую улыбку Рэд. – Только в нем еще не хватает утренней линейки, где под гимн поднималось знамя...

Юрий приблизился к стеклу, за которым виднелся белеющий экран.

– Эй, вы там! – гаркнул он, стукнув кулаком по гладкой поверхности прозрачной брони. – Я знаю, что вы слышите нас! Хватит, цирк окончен! Откройте дверь, козлы!

– Юрий, – позвал Балашов, но тот даже не оглянулся.

С перекошенным лицом Есин принялся в бешенстве колотить ногой по стеклу.

Банкир шагнул к нему, но его за локоть ухватил Рэд, покачав головой, и тот отошел к стене. Жанна сторбилась, зажав уши руками.

Через минуту Юрий выдохся. Сплюнув, он шумно прочистил горло и повернулся к пленникам.

– Вы будете сидеть, да?! – закричал он, уперев руки в спинку стального сиденья. – Как раки в ведре, которых вот-вот швырнут в кипяток?! Даже не попытаетесь оказать какое-то сопротивление?!

– От того, что вы будете кричать и топтать ногами, как сумасшедший, ничего не изменится, – спокойно ответил Рэд. – Вы ничего не добьетесь, а только навлечете на себя санк-

ции. Невзирая на абсурдность ситуации, я склонен верить словам той мультяшной девочки, именующей себя Ах. Так уж оказалось, что, увы, мы все здесь заложники, и ничего другого, как следовать правилам, которые нам обозначили, нам не остается. Нас лишили права выбора. Эмоции тут не помогут, нужно включить мозг и логику.

– Не забывайте об угрозах этой рыжей, – напомнил Алексей. – Что ей стоит включить какой-нибудь рубильник и заполнить эту тесную камеру отравляющим газом?!

– Давайте сохранять спокойствие, – продолжал Рэд. – Уверен, никто не хочет нашей смерти. Если бы нас хотели убить, это сделали бы очень быстро, пока мы все были без сознания.

Юрий поднял голову и стал разглядывать полуовальный люк в потолке.

– А почему сразу убить? – тихо проговорил он. – Ты же режиссер, у тебя богатая фантазия. Что, если они хотят превратить нашу смерть в пытку? Ты хорошо запомнил режим, Витя? Для тех, кто в танке, напоминаю. Кино – по три раза в день, каждый сеанс по шесть часов. Твоя «Седая ночь» идет около часа. Это значит, что мы будем смотреть это «шедевральное» дерьмо восемнадцать раз в день. А в перерывах испражняться вон в то ведро. И вместо изысканных обедов из ресторанов, к которым ты, как звездная личность, наверняка привык, у нас будет выдохшееся пиво с попкорном.

– Вас ослепляет гнев, это понятно. Но эмоции здесь плохой советчик, – не согласился режиссер. – Вы, Юрий, возбуждены и начинаете утрачивать способность рассуждать здраво. Давайте взглянем на ситуацию с холодной и трезвой головой. Нас собрали здесь для демонстрации фильма, в котором я снимал вас двадцать пять лет назад. Фильм планируют показывать принудительно. Чего хотят от нас добиться? Цель этих показов? Вот из чего нужно исходить.

– Есть еще мысли? – кисло спросил Алексей.

– Есть. Кто за этим стоит?

– За этим стоит Ох, – мрачно заметила Жанна. – Об этом нам сказала Ах.

– Да, теперь мы знаем врага в лицо, – с усмешкой произнес Юрий и снова обратился к Рэду: – Где же твой приятель Таро? Тот долбанутый на голову писатель, который пригласил тебя на фуршет?! А, Витя?

Рэд пожал плечами. Похоже, он смирился с тем, что Юрий упорно продолжал называть его по паспорту, и решил больше не делать по этому поводу замечания.

– Зачем нам всем крутить этот фильм столько раз? – задумчиво проговорил Алексей. Он медленно опустился на пол и, вытянув ноги, прижался спиной к стене. – В этом должен быть какой-то смысл.

– О чем вы вообще, мужчины?! – воскликнула Жанна, и все трое повернули головы в ее сторону.

– Весь смысл... в ответе этой девчонки на мой вопрос, – с усилием выговорила она. – Мы умрем здесь все! Вы что, ничего не поняли?!

– Позвольте не согласиться, – мягко сказал Рэд. – Но слова Ах были немного другие. Дословно она сказала: «Все мы когда-нибудь умрем».

– И что это меняет?

– Мне кажется, что в данной ситуации мы столкнулись с нестандартным мышлением. А точнее, с буквальным, дословным восприятием фразы. Для примера расскажу вам один забавный случай, который произошел со мной, когда я учился в институте. На каком-то семинаре один парень обратился к отличнику: «У тебя есть запасная ручка?» Отличник кивает: «Есть». Тот ему раздраженно: «Ну, и чего ты тормозишь?» Отличник в ответ: «А в чем дело?» Паренек начинает злиться: «Почему ручку не даешь?» И слышит невозмутимый ответ: «Так ты не просил. Ты спросил, есть ли ручка, я сказал, что есть. О том, чтобы дать ее тебе, речь не шла...»

– Я бы такому отличнику эту ручку запихал туда, где солнце не светит, – пробурчал Юрий.

Рэд не удостоил Есина даже взглядом.

– Жанна спросила, умрем ли мы? – продолжил он. – Фактически мы все когда-нибудь умрем, и Ах на это намекнула. С моей точки зрения, вопрос нужно было бы задать более конкретно. Ну, вроде, собираются ли эти ребята нас убить. Или – умрем ли мы в этом кинотеатре?

– Учитывая, что у каждого из нас было по минуте, на подготовку к вопросам не было времени, – словно оправдываясь, сказал Алексей.

– Ладно, что мы знаем? – спросил Юрий, слегка остыв. – Выход здесь есть – он за стеклом. Вероятно, эта хреновина как-то открывается, но нам неизвестно как. Выпускать нас не собираются. Пока что, во всяком случае. И руководит всем этим шизофреническим кинотеатром некий Ох. А еще мы все когда-нибудь умрем. Суперофигительный ребус. Какие будут предложения?

– Послушайте, – снова вмешался Алексей. – Эти Ох и Ах... Это ведь персонажи советского мультфильма!

– Вы полагаете, что с этим мультиком прослеживается какая-то связь? – спросил Рэд, и его высокий лоб прорезали морщины.

– Пока взаимосвязь прослеживается лишь в том, что здесь собраны все актеры и режиссер фильма, – устало сказала Жанна. – Надо выяснить, кому это выгодно. Вспомните азы детективных расследований. Рэд прав, нужно искать причины. Может, кому-то этим фильмом мы перешли дорогу.

– Вероятно, ваша теория верна. Но, как говорил Гете, «теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо», – сказал Рэд.

Юрий несколько секунд внимательно смотрел на бледную женщину, затем перевел взгляд на режиссера:

– Все равно непонятно. Если претензии к тому, кто снял этот шлак вроде «Седой ночи», какие вопросы к актерам? Они просто исполнители!

На тонких губах Рэда заиграла снисходительная усмешка:

– Не так все просто, уважаемый. Получается, вы соучастники. Свою долю славы, пусть и скандальной, вы получили.

– Ладно. Мы тупо ходим по кругу, – бросил Юрий. – Лично я намереваюсь спать. Только воспользуюсь перед сном сортиром.

– Об этом необязательно заявлять во всеуслышание, – заметила Жанна.

Юрий ничего не ответил и, приблизившись к ведру, расстегнул ширинку.

– Надеюсь, никто не хочет опорожнить кишечник? – вдруг спросил Алексей. – Извините, но я даже боюсь представить, что тут начнется, когда мы будем задыхаться от вони...

– Заткнешь ноздри попкорном, делов-то, – хладнокровно сказал Юрий. Когда дело было сделано, он добавил: – На крайний случай ведро можно накрыть твоим пиджаком... Карпыч.

Алексей вздрогнул:

– Что, хочешь перейти на клички, как в фильме?

Юрий пожал плечами и ответил:

– Может, именно этого от нас хотят. Чтобы мы в реальности проиграли те самые действия.

Лицо Жанны стало пепельно-серым.

– Нет, – пробормотала она. Пленница инстинктивно обхватила круглый живот обеими руками, словно готовясь защищать до последнего вдоха свое еще не рожденное дитя.

– Время покажет, – сказал Юрий. Он снял со спинки стула свою куртку и, свернув ее, положил на пол.

– Мы здесь не навсегда, – снова заговорил Рэд, и голос его прозвучал почти бодро. – Спокойствие, оптимизм и трезвый расчет – вот что нам поможет вылезти из этой передраги. Я верю в это.

Есин фыркнул:

– Ну да. Я посмотрю, как долго ты продержишься в том режиме, что наклеен на ведерке.

– Свои фильмы я могу смотреть до бесконечности, – с достоинством ответил режиссер.

Юрий понимающе кивнул:

– Не сомневаюсь. Свое дерьмо, как говорят, не пахнет. Только одно дело – любоваться своим творчеством сидя на диване, почесывая яйца и дымя кальяном. И если ты вздумал встать, чтобы размять кости, у тебя над ушами не будет реветь никакая сирена. И спишь ты наверняка на офигительской мягкой кровати, а не на полу, в своем нарядном смокинге. Теперь до тебя дошло, в какую ты попал передрагу, Рэд Локко?

Рэд, отчасти польщенный, что его назвали как положено, тем не менее был непоколебим как стена.

– Паника и злоба ни к чему не приведут. Помните, что случилось со слабой ивой, когда начался ураган? Она пригibasась и выжила, а огромный дуб, который пытался сопротивляться, потерпел поражение и был сломлен. Люди выживали и в более тяжелых условиях. Се ля ви.

– Несомненно. А земля круглая, и огурец зеленый. Всем спокойной ночи.

С этими словами Юрий улегся прямо на пол. Подложив под голову свернутую куртку, он повернулся на бок и сразу же закрыл глаза.

Некоторое время все остальные подавленно молчали.

– Он мне не нравится, – тихо произнесла Жанна. Она встала с сиденья, затем снова села и, помедлив, сняла туфли. – Что-то в нем есть такое... Нехорошее. Он словно мина замедленного действия. Рано или поздно рванет!

– У него непростой характер, – согласился Рэд. – Но мне кажется, он только внешне такой колючий, это просто защитная реакция на шок... По сути, глядя на него, я вижу все того же взбалмошного двадцатилетнего Юру, который согласился на съемки в «Седой ночи»... И знаете, я ему очень благодарен. Очень немногие выразили желание пройти кастинг на его роль. Если бы не Юрий, я даже не знаю, кто мог бы его заменить.

– Невелика заслуга – сыграть безумного садиста, – глухо произнес Алексей.

– Вас это тоже, кстати, касается, – отметил Рэд. – Я тоже говорю вам спасибо, несмотря ни на что.

Банкир отвел отрешенный взгляд в сторону.

– Юрий просто как большой ребенок. Капризный, эгоистичный, невоспитанный, – вздохнул Локко. – Обижаться на него – все равно что обижаться на ливень, который промочил вашу одежду. Вот он такой, какой есть.

– Что же нам делать? – прошептала Жанна. – Мы не какие-нибудь маргиналы, а уважаемые люди, а вы, Рэд, так вообще публичная фигура! Ведь нас наверняка уже начали искать! Уж мой супруг, если с ним, надеюсь, все в порядке, места себе не находит! Он знает, что я должна родить со дня на день!

– Поиски займут определенное время, – уныло сказал Алексей.

– Мы живем в век цифровизации и тотальной слежки, столица напичкана камерами. – Рэд снял очки и бережно протер краем рукава уцелевшее стекло. – При желании все наши передвижения очень легко отследить. Будем надеяться, что полиция уже ищет нас. Но меня также терзает еще один вопрос: где мы?

– Вы что-то говорили про Ногинск, – напомнил Алексей.

Рэд махнул рукой:

– Теперь я уже ни в чем не уверен. Мы можем быть где угодно. Как в подвале в центре Москвы... так и где-то в глуши. В каком-нибудь сарае, обитом изнутри стальными листами.

Жанна покачала головой, ее глаза вновь наполнились слезами.

– Из всех нас мне больше всего жаль вас, милая, – с грустью промолвил Рэд. – Увы, я ничего не могу сделать. Время покажет. – Он снял с себя смокинг и, шагнув вперед, протянул его женщине: – Это все, чем я могу вам помочь. Чтобы вам не было слишком жестко на полу.

Жанна пробормотала слова благодарности и, взяв смокинг, некоторое время смотрела на экран, казавшийся сейчас бездонным туннелем. Завтра оттуда грязными потоками польются кровь, слезы и душераздирающие вопли, и так будет до бесконечности... Всего несколько часов до рассвета, и по другую сторону стекла снова замелькают кошмарные кадры одного из самых жестоких российских кинолент любительского толка.

Впрочем, нет, она не будет сейчас думать об этом. Для одного дня и так достаточно мерзостей.

– Здесь в распорядке дня есть одно интересное мероприятие... – раздался голос Балашова. – В девятнадцать пятьдесят, которое будет длиться десять минут, оно звучит как «организационные вопросы». Мне пришло в голову, что, вероятно, с нами кто-то будет выходить на связь. Вероятно, это будет Ах.

– Интересная мысль, – похвалил Рэд. – Может быть, у нас будет возможность задать очередные вопросы.

«Правда, есть ли в них смысл – вот в чем соль», – мрачно подумал он про себя.

Вскоре уснул Алексей, после этого задремал свернувшийся в клубок Рэд.

Жанна все еще стояла у пуленепробиваемого стекла, медленно вода указательным пальцем по его прохладной глади.

«Им не обязательно нас убивать, – закралась к ней в голову мысль. – Несколько дней в таком режиме, и мы все сойдем с ума, а через неделю поубиваем друг друга... А мой сын, Дима...»

Ее захлестнуло чувство беспросветного отчаяния, дикого и иступленного, словно из могилы на нее дохнула сама Смерть... Что будет с ребенком?!

«А ведь ты догадываешься, зачем нас тут всех собрали, – кольнуло в мозг, и по телу Жанны заструилась морозная дрожь. – С того момента, как зазвучала сирена... Только побоялась высказать свои мысли вслух».

Жанна тряхнула головой, словно пытаясь отделаться от грызущих мозг подозрений.

Да, такое опасение действительно к ней закралось. Но... но, черт возьми, прошло двадцать пять лет! Если это стало известно, то почему никто раньше не давал об этом знать?! Почему это вылезло наружу только сейчас?!

«Потому что раньше ты не была беременной», – отозвался внутренний голос, и Жанна резко развернулась, глаза ее полыхали жестким блеском. Нет уж, она будет защищать Диму и перегрызет глотку кому угодно, хоть Богу, пусть он только попробует забрать его у нее!

Превозмогая брезгливость, она справила свои надобности в ведро, затем начала готовиться ко сну. Аккуратно свернула смокинг Рэда (а все-таки он молодец, единственный из всех предложил хоть какую-то помощь!) и тихо легла на пол, прислушиваясь к движениям внутри себя.

Дима молчал.

– Все будет хорошо, мой дорогой мальчик, – прошептала Жанна. – Я не дам тебя в обиду.

В желудке уже начало сосать от голода, но она старалась не обращать внимания на это. Закрыв веки, Жанна попыталась представить себя и сына в будущем. Вот он делает первые шаги, вот они лепят снеговика в зимнем парке, а вот они на юге и со смехом плещутся в теплых волнах...

Вскоре женщина уже крепко спала.

* * *

Алексею еще никогда не доводилось спать в подобных условиях, но усталость взяла свое, и он, какое-то время беспокойно покрутившись на жестком полу из стороны в сторону, наконец стал погружаться в вязкую тревожную дремоту. Вскоре ему привиделся странный сон.

Время словно отмоталось назад до того момента, когда он должен был ехать в Счетную палату. Все его дела улажены, Алексей вздыхает с облегчением, ослабляя узел галстука, и в следующую секунду он вдруг оказывается в просторном, ярко освещенном зале, где проводится какой-то банкет. Его окружает солидная публика – мужчины в дорогих костюмах и роскошные женщины в вечерних платьях с открытыми спинами. Слышится звон бокалов, кто-то хлопает в ладоши, и через мгновение к аплодирующему присоединяются все остальные.

«Смотрите, это же тот самый парень, что играл в фильме „Седа́я ночь“!» – восклицает полногрудая блондинка.

Зал вновь взрывается аплодисментами, кто-то пронзительно кричит «браво», но почему-то от этого вопля Алексей испуганно приседает, словно в ожидании удара.

«Расскажите, как вы изнасиловали хозяйку дома!» – кричит какой-то пузатый мужчина в костюме-тройке. «И когда вам в голову пришла мысль вырвать из ее чрева ребенка?!» – вторит ему рыжеволосая красотка с бриллиантовым колье на красивой шее.

Алексей виновато улыбается, смущенный столь повышенным вниманием к себе. Он пытается что-то ответить, но внезапно к нему подсакивает юркий парнишка с подносом в руках, предлагая вино. Рука Алексея уже тянется к бокалу, как неожиданно прямо над самым ухом раздается вкрадчивый голос:

«Иди вперед... я кое-что покажу тебе...»

Рука Алексея повисает в воздухе, едва коснувшись прохладной ножки сверкающего бокала. Этот мультяшный голос кажется ему странным и до боли знакомым, как будто...

«Как будто я только что его слышал», – говорит он сам себе.

Да. Голос смешного утенка из мультфильмов.

«Я кое-что покажу тебе», – повторяет голос, и он оборачивается.

Перед ним стоит Ах в своем дурацком платьице в горошек. Ее фиолетовые банты все так же неряшливо торчат в разные стороны. Она хватается Алексея своей смешной ручкой, и – не может быть! – он чувствует пальцами ее плоть. Она мягкая и холодная, как остывшая грелка.

«Идем!» – настаивает Ах, и Алексей молча идет за ненастоящей девочкой. Никто даже не смотрит в их сторону, все ведут себя так, словно интерактивной малютки и вовсе не было.

«Ее вижу только я», – догадывается Алексей, и его охватывает дрожь.

Ах проводит его за руку через весь зал, и они оказываются в темной комнате, посреди которой стоит небольшой столик с горящими свечами. Пламя мерцает, как трепещущие звезды. Балашов оглядывается – девочка куда-то пропала. Он медленно подходит к столику, озираясь по сторонам, и тут же замирает. Только сейчас он понимает, что все стены помещения уставлены высоченными зеркалами, и в них он отчетливо видит свое отражение. И от осознания увиденного откуда-то из глубины души рвется истошный крик. Вместо костюма на нем кожаный фартук мясника, залитый кровью. Голый торс и руки также забрызганы алыми кляксами. Его голову «украшает» остроконечный колпак палача времен инквизиции, и в прорезях для глаз полыхает злобный огонь.

«Это не я!» – кричит Алексей, охваченный страхом. Он пытается снять этот ужасный колпак, но тот словно прирос к черепу. Откуда ни возьмись, на столике появляется громадный топор с зубренным, потемневшим лезвием, и он притягивает взгляд Алексея. Манит к себе, как в свое время запретный плод манил Еву.

«Нет, это ты!» – звучит в его голове чей-то женский голос, и он преисполнен печали. – К сожалению, это ты...»

Его глаза выпучились, дыхание со свистом вырывалось из глотки, словно воздух из пробитой шины. Банкир резко сел, охнув от пронзившей поясницу боли, – спину, отвыкшую от столь сурового спартанского ложа, словно наспиговали отравленными стрелами. Ныли отеки

шие ступни, ведь он спал прямо в обуви. Лоб покрывала липкая испарина, и Алексей торопливо вытер его рукавом.

«Скоро от нас всех будет вонять, как от скотины», – мелькнула мысль.

Кряхтя, Алексей поднялся, и в этот же миг замигали встроенные в потолок лампы. Одновременно с этим все пространство «кинотеатра» содрогнулось от нарастающего воя сирены, звук которой острой бритвой резанул по натянутым нервам узников.

– Сука, – выдохнул Алексей, зажимая уши. – Гребаный будильник...

– Доброе, на хрен, утро! – закричал Юрий.

Он уже проснулся и стоял, прислонившись к железному сиденью. Лицо мужчины было осунувшимся, под глазами залегли темные круги, но губы ширились в жесткой усмешке. Его фланелевая кремовая рубашка была полностью расстегнута, а ее уголки завязаны в узелок прямо над сморщенным пупком.

– Все предусмотрели, собаки, – хихикнул Юрий. – Даже сиденья расположили так, что на них не улечься.

Балашов без особого интереса взглянул на стулья, приваренные в шахматном порядке к полу.

Сирена продолжала надрываться, раскаленными иглами пронзая барабанные перепонки. В углу зашевелился Рэд, выныривая из тревожной пелены сна. Жанна неподвижно сидела на полу, обреченно глядя перед собой.

– Подъем, Витя! – позвал Юрий. – Скоро завтрак.

Как только режиссер сел, осовело хлопая сонными глазами, сирена умолкла. Лампы тоже моргнули еще пару раз, после чего освещение камеры стало ровным.

– В последний раз я спал на жестком в походе, – сообщил Рэд, будто это было кому-то интересно. Зевнув, он выпрямился и потянулся. – Это было примерно через год после съемок «Седой ночи». Мы пошли в горы, на Алтай...

Алексей сел на стул, уныло глядя на экран за стеклом. Время невозмутимо отщелкивало свой бесконечный счет. На табло высвечивалось 05:02.

– Все, кто хочет облегчиться, лучше делайте это сейчас, – деловито сказал Юрий. – Через тринадцать минут будут менять ведро. Хотелось бы какое-то время побыть в относительно чистом воздухе.

«Он отчасти прав», – подумал Рэд. Практичность этого человека и его способность приспособливаться, казалось бы, к совершенно невыносимым условиям одновременно удивляли и почему-то раздражали.

– Ты чего такой хмурый? – спросил между тем Юрий, пихнув Алексея.

Банкир сидел мрачный как туча. И хотя ночной кошмар давно растворился, перед глазами все еще висел жуткий образ собственного отражения – палач в залитом кровью фартуке и громадный топор, при виде которого волосы встают дыбом.

– Может, все сейчас и закончится? – еле слышно проговорил Алексей. Он украдкой взглянул на толстое стекло, за которым располагался экран.

А что? Шутка была хорошей, хоть и жестокой. Но почему-то именно в данную секунду его охватило странное ощущение, что еще вот-вот, еще пару минут, и в какой-нибудь стене откроется потайная дверь, кто-то выкрикнет: «Розыгрыш!» – после чего раздастся смех и звук аплодисментов...

«Как во сне», – шепнул внутренний голос, и Алексея передернуло.

– Что ты там бормочешь? – любопытствовал Юрий.

Балашов ничего не ответил.

– Жанна, как вы себя чувствуете? – участливо спросил Рэд, и та неопределенно пожала плечами.

Ровно в пятнадцать минут шестого наверху что-то шелкнуло, и все задрали головы. Полуовальный люк был открыт, и вниз на стальном тросе с легким шорохом опускалось оцинкованное ведро. Оно держалось на металлическом карабине, который крепился к тросу.

Юрий пристально смотрел вверх, усиленно пытаясь хоть что-то рассмотреть в зияющем отверстии. Тщетно, просто темное пятно.

– Есть там кто живой? – крикнул он.

Ведро опустилось на пол с тихим стуком, и трос замер.

– Наверное, их нужно заменить, – предположил Рэд. Поскольку никто на его реплику не отреагировал, он, вздохнув, направился к «туалету».

– Эй, кто там есть?! – рявкнул Юрий, ухватившись рукой за трос. – Если вы думаете, что мы будем терпе...

Сухой отрывистый треск, перемежаемый гудением, прервал его гневную тираду, затем в месте соприкосновения пальцев мужчины и троса произошла короткая вспышка. Трос затрепетал, будто живой, и из глотки ошарашенного Юрия вырвался вопль. Глаза его расширились, он нелепо взмахнул руками, и в следующее мгновение его отбросило в сторону словно тряпку.

Рэд молча смотрел, как Есин трясет обожженной рукой, и в глазах его не было ни капли сочувствия, лишь холодное любопытство.

– С током шутки плохи, – только и вымолвил он, подходя ближе. Когда трос перестал дрожать и гудение утихло, он осторожно снял с карабина ведро, повесив на его место то, что было заполнено нечистотами. Как только карабин защелкнулся, трос немедленно пополз вверх.

Юрий выругался, провожая загаженное ведро испепеляющим взглядом.

– Хоть бы крышку дали, – со вздохом сказал Рэд.

Люк на потолке закрылся.

– Что, не получается протестовать? – спросила Жанна.

Юрий собрался было ответить ей колкостью, но промолчал. Обожженную руку дергало и простреливало, как гнилой зуб.

– Если бы у нас был резиновый костюм, можно было бы попробовать подняться к отверстию, – меланхолично произнес Алексей. – Ток на резину не действует.

– Ну да. И как минимум получить из этой дырки молотком по голове, – хмуро отозвался Юрий, все еще рассматривая покрасневшую ладонь. – Если бы у бабушки был член, она была бы дедушкой.

В камере воцарилась напряженная тишина.

– Может, есть смысл обсудить вопросы, которые нам разрешат задать? – прервал молчание Рэд. – Если, конечно, будет такая возможность.

Алексей метнул в режиссера взгляд.

– Мне кажется, никакого смысла в этом нет, – сказал он. – Эта девчонка просто издевается над нами. Она может заявлять что угодно, подкидывать какие-то идеи, а мы будем ломать над ними голову и строить догадки.

– Девчонка – просто изображение на экране, – заметил Юрий, и Алексей вновь с содроганием вспомнил свой сон, когда Ах взяла его за руку.

– Вся эта мутотень – полуголодный паек, ведро вместо нормального сортира, принудительный показ кино – все это подготовка к чему-то основному, – снова заговорил Юрий. – Нас попросту хотят сломать морально. Вот только к чему нас готовят?!

Жанна вытерла уголки губ. На пальцах еще виднелись едва заметные блески – все, что осталось от помады. Она красила губы еще там, в своей шикарной двухуровневой квартире. Эти жалкие остатки макияжа были хрупким мостиком, соединяющим ее с той жизнью, где она была счастлива и принадлежала сама себе. Жанна переключила внимание на ногти, она не без оснований гордилась ими – идеальной формы и всегда покрыты свежим лаком. Но сейчас эта

красота быстро тускнела и блекла. Местный воздух словно невидимым ластиком стирал с нее лоск и ухоженность.

«Сказать или промолчать?» – размышляла она, сжав руку в кулак. Мысли о том, что она, вероятно, догадывается о причинах их нахождения в этой тюрьме, не отпускали ее с прошлого вечера.

Жанну так и подмывало сообщить о своих предположениях коллегам по несчастью, но каждый раз ее что-то останавливало, словно перед глазами с грохотом падал громадный барьер. Почему-то даже сама мысль о том, чтобы поднять тему леденящих подробностей съемок «Седой ночи» вызывала у нее судорожную панику. Все, что случилось, она похоронила в самом потаенном уголке своих воспоминаний.

И что будет, если тайна, незримой цепью сковывающая всю их четверку, всплывет наружу, пускай даже спустя столько лет? Что произойдет, если она скажет это вслух? Их заставят покаяться? Или сразу же уничтожат?

«А вдруг причина в другом?» – задалась она вопросом. – Вдруг по другую сторону стекла ничего об этом не знают? И напоминание о подробностях съемок только подольет масла в огонь?!.. Тебе нельзя нервничать, – напомнила себе Жанна. Она чувствовала, как урчит ее желудок, как начал толкаться Дима. – Все, что должно тебя беспокоить, – здоровье сына».

В половине шестого утра на тросе один за другим были спущены два бумажных пакета с «завтраком» – три стакана пива, стакан молока и четыре ведерка с попкорном.

Рэд передал Жанне молоко, и она одарила его благодарным взглядом.

– Возьмите мою порцию попкорна, – сказал режиссер, протягивая ей свое ведерко с воздушной кукурузой. – Я все равно никогда не любил его.

– Спасибо, – Жанна выдавила улыбку. – Но, боюсь, этого недостаточно для полноценного питания... И к тому же совершенно бесполезно.

– Первый раз завтракаю пивом, – признался Алексей.

– Пиво свежее, – сказал Юрий, глядя на оседающую пену в стакане. Он сделал глоток. – Значит, его налили только что.

– Непонятно, как это может помочь нам в сложившейся ситуации, – проговорил Рэд.

– Это просто замечание. И еще: трос опускали на лебедке, он двигался равномерно, не рывками.

Не меняя выражения лица, Юрий вдруг сказал:

– Как вы думаете, нас слышат? Камеры фиксируют только картинку или звук тоже?

Рэд с интересом посмотрел на видеокамеры, замаскированные под лампы.

– У вас есть какие-то предложения, которые вы хотели бы обсудить без лишних ушей? – тихо спросил он.

– Мы разговаривали с девкой, – напомнил Алексей, с жадностью поглощая попкорн. – И она отвечала на наши вопросы. Значит, нас отлично слышно.

Юрий кивнул:

– Это верно. Но это не значит, что нас подслушивают все двадцать четыре часа в сутки.

– У тебя есть какой-то план?

Юрий отпил еще пива.

– Нам придется что-то решать. Лично я сыт по горло гостеприимством этого чертового кинотеатра.

Вскоре раздался первый звонок. Руки Жанны дрогнули, и она выронила почти опустевший стакан. Она перехватила печальный взгляд Рэда и устало вздохнула.

* * *

«Седая ночь», 1995 г., действие второе

Как только они вышли из машины, ливень обрушился на них серебристыми косыми иглами, и молодые люди инстинктивно втянули головы в плечи.

– Нет. Это не лось, – сказал Карпыч, и голос его дрогнул. Он включил фонарик, и дергающийся луч заскользил по блестящему от воды шоссе. – И не заяц.

Приятель остановился в нескольких шагах от темнеющего тела, которое было распросто по середине дороги.

– Куда ты смотрел, когда ехал? – поинтересовался Фил.

– Ты всю дорогу меня отвлекал, придурок, – огрызнулся тот.

Они осторожно приблизились к лежащему человеку.

– Это баба, – определил Фил, увидев выглядывающие из-под выцветшего застиранного платья голые ноги. Одна стоптанная калоша, сорванная со стопы ударом, валялась неподалеку, другой и вовсе видно не было.

– Она живая? – всхлипнул Карпыч. – Фил, скажи, что она еще живая!

Женщина, лежащая на дороге, медленно повернулась на бок, издав глухой стон. Пляшущий кружок фонаря выхватил бледное морщинистое лицо, искаженное от боли, по которому текла кровь, которую тут же размывал дождь.

– Спина... – выдохнула она. – Спину... больно...

Карпыч принялся грызть ноготь большого пальца.

– Куда ее теперь? – приглушенно спросил он. – Больниц тут нет, здесь только лес. Мля, и откуда она взялась!

– Какая больница, дебил? – промолвил Фил. – Тебя сразу на продувку отправят, а ты бухал!

– Между прочим, из-за тебя!

– Я просто предложил тебе сделать глоток, неврастеник, – парировал Фил. – Ты согласился. Какого хрена сейчас на меня бочку катишь?!

Его глаза холодно сверкнули, и Карпыч прикусил язык. Меньше всего сейчас ему хотелось выяснять отношения с приятелем.

– Че делать-то? – заскулил он.

Фил раздумывал буквально секунду.

– Подгони тачку поближе, – велел он. – И открывай багажник.

Карпыч понял, что задумал приятель, и его тонкое лицо сделалось мертвенно-бледным.

– Ты хочешь... – начал он, но Фил резко оборвал его:

– Шевели булками!

Когда Карпыч ушел, Фил закурил, затем еще раз осветил фонариком скорчившуюся фигуру пожилой женщины. Он внезапно подумал, что раненая старуха напоминает ворону, подбитую из духовушки, – он частенько забавлялся, убивая на даче птиц, и иногда фотографировал их трупы.

Загораживаясь от яркого света, пожилая женщина с трудом подняла руку. Сломанная кисть была вывернута под невообразимым углом, из кожи наружу торчал обломок кости.

– Оленька, – с усилием прохрипела она. – Лекарство Оленьке...

Фил выдохнул сигаретный дым и склонился над раненой. Его обдало смесью разнообразных запахов – крови, испорченных зубов, старой поношенной одежды, пропитанной кислым потом, – и он поморщился.

– Оленька? – спросил Фил. – Кто такая Оленька?

Женщина жадно хватала ртом воздух, будто выброшенная на берег рыба.

– Внучка... Лекарство...

Фил махнул рукой, делая знак Карпычу, и «Мицубиси», моргнув рубиновыми стоп-сигналами, остановился в метре от лежащей женщины.

– Внучка, – повторила старуха, когда парни подняли ее, взявши за руки и за ноги. Она вскрикнула от боли, когда ее, словно запаску, швырнули в багажник.

Молодые люди сели в автомобиль.

– Не бзди, братуха, – сказал Фил. Засунув руку в нагрудный карман джинсовки, он выудил из него крошечный полиэтиленовый пакетик, внутри которого виднелись ярко-зеленые кругляшки таблеток.

– Что это? – недоверчиво покосился на руки приятеля Карпыч.

– Закинься, полегчает, – произнес Фил.

Проглотив одну таблетку, он запил ее ромом. Помявшись несколько секунд, Карпыч последовал его примеру.

– Надеюсь, приход у них не такой, как был в прошлый раз. Я после той вечеринки неделю в себя приходил.

– Тогда тебе колеса не я подгонял, а какой-то лох, – возразил Фил. – Я корешей дерьмом не угощаю.

– Куда теперь?

Фил мельком оглядел свои руки, на которых виднелись разводы крови.

– Минут пятнадцать назад мы проехали озеро, помнишь?

Карпыч кивнул.

– Я видел у тебя трос в багажнике, – продолжил Фил, вытирая руки об джинсы. – Привяжем к бабке камень, и все. С приветом, Одуванчик.

Карпыч медлил, неуверенно поглядывая в зеркало заднего обзора.

– Ну... не знаю, Фил. Это же... как его... мокруха. Убийство то есть.

Фил засмеялся сухим лязгающим смехом:

– Хорошо, сердобольный ты мой. Поехали искать больницу. В ментовке заведут дело по наезду, а у тебя защита диплома на носу. Тебе нужен этот геморрой? К тому же, по ходу, у старой клюшки сломан позвоночник. А это значит, что в лучшем случае она будет лежачим инвалидом на всю жизнь. В худшем – склеит лапы по дороге. Нам, кстати, забот меньше.

Карпыч глубоко вздохнул.

– Ром еще остался? – с надеждой спросил он, и Фил с готовностью протянул ему бутылку.

Иномарка, скрипнув шинами, развернулась и покатила в обратном направлении.

– Кстати, почему во время ДТП всегда башмаки слетают? – полюбопытствовал Карпыч.

– Что тут непонятного, все и так ясно, – хмыкнул Фил. – Машина сбивает тело, а не ботинки. Обувь остается на месте, она трется подошвами об асфальт, происходит сопротивление, и терпилу просто как бы выдергивает из башмаков.

– Надо же...

– Физика, мля, – с важным видом сказал Карпыч.

Ливень не прекращался, и дворники с монотонным скрипом послушно елозили по растрескавшемуся лобовому стеклу.

* * *

Когда в 18:59 экран погас, Юрий вскочил со своего места и принялся мерить камеру шагами. Края его измятой рубахи развязались, демонстрируя плоский живот, покрытый седоватыми волосками.

Жанна обессиленно опустила голову. В висках колотило, глаза щипало, словно в них сыпанули толченого стекла, ее бросало то в жар, то в холодный пот. Кошмарные кадры фильма, повторяющиеся каждый час с убийственной монотонностью, доводили до безумия. В какой-то момент ее вдруг вырвало. С этого мгновения она сфокусировала свой взгляд на электронном табло времени, цифры на котором мерно отщелкивали свой счет, и уже не отводила его до конца фильма.

С тихим шорохом с потолка спустился «ужин», и Алексей, оживившись, тут же заспешил к пакетам.

– Хоть бы вином меню разнообразили, – заметил Рэд с кривой улыбкой. Взяв несколько раздутых зерен кукурузы, он закинул их в рот и запил пивом. Его острый кадык задвигался.

– Это мерзость, – тихо проговорила Жанна.

– Я тебя понимаю, дорогая, – с видом терпеливого человека кивнул режиссер. У него было такое лицо, словно он пытался что-то объяснить капризному ребенку. – Но у нас нет другого выбора. Хорошо, что хоть дают молоко...

– Я не о еде. – Женщина резко вскинула голову, в ее глазах сквозило отвращение. – Я о фильме. Если эту блевотину вообще можно назвать фильмом.

– Блевотина у тебя под ногами, – заметил Юрий. Взяв свою порцию ужина, он сел на пол и захрустел попкорном. – Спасибо, что добавила еще один аромат в наш кинозал.

– Юрий, не нужно, – поморщился Рэд. – Жанна в особом положении. Мы должны быть добры, как это ни банально звучит. То, что происходит на экране, остается на экране. А реальная жизнь – вот она...

«Так ли это?!» – сделав глоток молока, задала сама себе вопрос Жанна. В желудке вдруг произошел спазм, его стало выворачивать, и она с трудом удержалась, чтобы вновь не вырвать.

К попкорну она так и не притронулась, но молоко все-таки допила.

– А я согласен с Жанной, – вдруг сказал Алексей. – Конечно, когда нам было по двадцать, это казалось круто и удивительно. Но сейчас... Я сам чуть не блеванул. Хуже всего, что глаза закрыть невозможно – сразу врубаются сирена.

– Я не могу поверить, что согласилась сняться в этом фильме, – сказала Жанна.

Рэд допил пиво и сунул пустой стакан в бумажный пакет.

– Ну, вы были молодыми. И тогда, как правильно заметил Алексей, это действительно казалось необычным. Все-таки первый слэшер в России! Никто такого никогда не снимал в нашей стране! И вы наверняка уже мыслями были на подиуме, в лучах софитов!

Он поднялся, вплотную подошел к экрану и уткнулся своим хищным крючковатым носом в стекло.

Алексей выгреб остатки воздушной кукурузы, проглотил их и деловито посмотрел на Жанну:

– Извините, но... раз вы не стали есть попкорн, можно я его возьму?

Жанна молча кивнула.

Юрий искоса взглянул на банкира:

– Тебя еще не тошнит от попкорна?

– Может, и тошнит. Но организм без еды теряет силу и энергию.

– Золотые слова, – бросила Жанна.

– Карпыч, а ты сожрал бы человека? – неожиданно спросил Юрий. – Ну, отвечай не задумываясь. Кого-нибудь из нас?

Рука Балашова, уже было потянувшаяся к ведерку, повисла в воздухе.

– Я тут случайно фильм посмотрел, «Голод» называется, – не сводя с банкира своих темных пронзительных глаз, опять заговорил Есин. – Там людей в колодце держали, и они потихоньку ели друг друга.

– Замолчи! – не выдержала Жанна.

Алексей принялся неспешно поглощать попкорн.

– Сейчас мне кажется это дикостью, – ответил он. – Но кто знает, как я тебе отвечу через неделю? Может, их запасы попкорна тоже ограничены, и правила изменятся.

Жанна отшатнулась, словно увидела перед собой клубок шипящих змей.

– Вы сошли с ума!

– А у меня появилась другая мысль, – подал голос Рэд. Он все так же стоял у пуленепробиваемого стекла, словно пытаясь прожечь его взглядом. – Может, нас подталкивают к съемкам нового фильма? Хотят показать изъяны «Седой ночи»? Ошибки и недочеты? Если это критика моего детища, так я готов на ваши условия! – Он неотрывно смотрел на экран и вдруг рявкнул: – Если вам что-то нужно от меня, отпустите этих ребят! Они ни при чем!

– Зря кричишь, – сказал Юрий. – Твои благородные призывы никто не слышит. Скоро будут обсуждаться оргвопросы, тогда и сможешь выступить. Согласно утвержденному регламенту, хе-хе.

– Есть еще какие-то мысли? – задал вопрос Алексей. – Что по мне, так вечно это продолжаться не может. Если ничего меняться не будет, мы очень быстро зарастем грязью и превратимся в свиней. А может, сдохнем от истощения или язвенной болезни. Все-таки попкорн – слабая пища для желудка. Второе: мы не сможем бесконечно смотреть эту расчлененку. Всему есть предел. Мы сойдем с ума.

– Нам нужно инсценировать конфликт или другую нештатную ситуацию, – чуть слышно проговорил Юрий. – Что они будут делать, если кому-то из нас станет плохо? Если кто-то нападет на другого?

На осунувшемся лице Алексея мелькнул страх, затем его глаза опасно сузились:

– Ты начнешь кого-то бить? Кого именно? Беременную Жанну, которая родит с минуты на минуту? Ну, говори, Фил!

Услышав свою кличку из фильма, Юрий ухмыльнулся:

– Отлично. Осталось Жанну называть Олей, и тогда мы окунемся в «Седую ночь-2»...

– Юрий хочет сказать, что кто-то войдет сюда, – устало проговорила Жанна. – Но лично я не верю в это. Те, кто нас тут держит, скорее всего, включают сирену. А может, ничего не сделают, вдруг они как раз и добиваются, чтобы мы перебили друг друга? У них много рычагов воздействия против неповиновения. Нас могут перестать кормить. Менять туалет или еще что-нибудь.

– Я тоже думаю, что у них есть способ устранить любую нештатную ситуацию, – медленно произнес Рэд, отходя от стекла. – Человек, который собрал нас всех здесь, словно тараканов в банке, наверняка предусмотрел все.

Как только часы показали без четверти восемь, люк наверху вновь открылся и вниз начало спускаться чистое ведро. С каменным выражением лица Юрий повесил на карабин заполненное, и трос послушно заскользил вверх.

Следующие пять минут прошли в тягостном молчании, пока на экране вновь не вспыхнула знакомая картинка – сияющая физиономия Ах.

– Всем привет! – поздоровалась она, пританцовывая. На ней было все то же платье в горошек, только вместо мячика на этот раз она держала в руках скакалку, через которую тут же начала прыгать. – Как вам первый день? Что-то не вижу блеска в ваших глазах. Юрий, если вам жарко, вы можете вообще раздеться, никто вас не осудит. Рэд, вы выглядите каким-то угрюмым! Жанна, а вот вам нужно кушать. Одного молока на вас двоих не хватит.

Жанна подняла безучастный взгляд на экран.

– Я хочу домой, – только и сказала она.

Ах, не переставая скакать, повернулась к ним спиной. Ее рыжие спутанные космы плясали в такт неуклюжим прыжкам.

– Я тоже хочу домой, – сварливым голосом отозвалась она. – Думаете, мне приятно видеть ваши недовольные рожи? Вы, кстати, все неважно выглядите. Самые настоящие хлюпики, а всего-то просидели тут сутки. Интересно посмотреть на вашу реакцию, если я вам скажу, что наш режим рассчитан на три года... Как вам такое?

Она прекратила подпрыгивать. Скакалка последний раз просвистела под ее короткими ножками и повисла в руке, будто дохлый червь. Девочка повернулась, ее небесно-голубые глаза стали разглядывать измученную четверку с какой-то веселой беспечностью, и почему-то это пугало вынужденных зрителей больше всего.

Рэд решительно шагнул вперед, его худое лицо пылало гневом:

– Послушай, ты... маленькая говнючка! Хватит издеваться, всему есть предел! Или вам, кто управляет этой интерактивной девчонкой, доставляет радость наблюдать за нашими мучениями?!

– Аха-ха, – нараспев проговорила девочка, она лениво помахивала скакалкой, будто плеткой. – В твоём фильме два упоротых садиста издевались над несчастной женщиной всю ночь. Выбивали зубы, резали ножом, прижигали соски... Вот это можно назвать мучениями. А здесь вы просто сидите и наслаждаетесь кино. Да, фильм не высшего класса, прямо скажем, дерьмецо. Но уж что сняли. Да, фильм вы смотрите один и тот же, но это мелочи. Разве это мучения?! – Она фыркнула и презрительно выпятила нижнюю губу. – Сегодня для вас будет одно задание, – сказала она, хлестнув скакалкой об пол. Раздался сухой щелчок, словно далекий выстрел. – Посмотрим, как вы с ним справитесь.

Юрий хотел что-то сказать, но передумал. Ему показалось, что воздух в помещении застыл, превратившись в некий громадный плотный ком. Легкие интенсивно сокращались, но необходимой дозы кислорода не получали, и с каждым вдохом дышать становилось все труднее.

Жанна глубоко вдохнула, ее измученное лицо покрылось крупными каплями пота.

– Что это?.. – тихо проговорила она.

Алексей закашлялся. Пространство стремительно нагревалось и, подрагивая, словно марево, будто густело буквально на глазах. Банкир сделал несколько неуверенных шагов, коснулся стенки пальцами и тут же отпрянул, как ужаленный.

– Она горячая! – взвизгнул он, потирая руку. – Комната нагревается!

Жанна, которая все это время оставалась без туфель, испуганно подобрала ноги.

Юрий нагнулся, трогая пол. Когда он выпрямился, в глазах его металась паника.

– Мы изжаримся тут, как в духовке, – пробормотал он. Его лихорадочный взгляд прочертил стены и потолок. Ему почудилось или они действительно слегка вибрировали?!

Рэд хрипло дышал, неровное дыхание с шумом вырывалось из приоткрытого рта. Судорожным движением он сорвал бабочку с шеи, полетели оторванные пуговицы и со звоном стали отскакивать от пола.

Ах продолжала прыгать, хитро поглядывая на «зрителей», скакалка в ее руках быстро мелькала, от нее буквально рябило в глазах.

– Прекратите! – выкрикнула Жанна. Перед глазами все плыло, ее мутило, желудок, казалось, скрутило в узел. Она чувствовала, что еще немного, и она рухнет в обморок. С каждым вдохом ей чудилось, что в ее глотку запикивают горячую вату. Ребенок завозился внутри, он словно с беспокойством вопрошал маму, что случилось, и она крепко обхватила большой живот. Он был тугим, как барабан.

– Что-то здесь жарковато, не находите? – осведомилась Ах. – Прямо как в бане.

– Довольно! – задыхающимся голосом прокричал Алексей. Глаза его выпучились, рыхлое лицо налилось кровью. – Пожалуйста, остановитесь!

Он подбежал к пуленепробиваемому стеклу и замолотил по нему кулаками. В отличие от быстро нагревающихся стен, прозрачная преграда, отделяющая экран от «зрителей», была единственным, что оставалось прохладным в «кинотеатре».

Между тем свинцово-матовые стены изменили цвет – теперь они потемнели, и кое-где проступили угрожающе-лиловые пятна, как неоперабельные опухоли. «Кинотеатр» словно дышал раскаленным жаром и с чудовищной неотвратимостью нагревался все больше и больше. Четверо узников, оказавшихся в ловушке, медленно запекались в нем, как в гигантской духовке. Невыносимая духота, казалось, плавил мозг, превращая его в бесформенное желе.

– Эй, Рэд! – позвала Ах. – Как у тебя с сердцем? В прессе как-то писали, что у тебя микроинфаркт был и тебе стент зафигачили... Не душно, многоуважаемый Рэд Локко?

В ответ режиссер лишь что-то нечленораздельно прохрипел, вяло шевельнув рукой, – он был на грани потери сознания. Его лицо напоминало исхудавшую лисью морду, глаза закатились, обнажив выпуклые белки.

– Остановите все это! – завопила Жанна. Ее летний сарафан, пропитанный потом, прилип к телу горячей влажной простыней. В висках ухало, сердце билось подстреленной куропаткой. – Мы заживо сваримся здесь, разве вы не видите?!

Ах нахохлилась, исподлобья глядя на охваченную ужасом женщину.

– Пусть Рэд извинится, – потребовала она, прекратив скакать.

Локко непонимающе смотрел на мультяшную девчушку, не в силах вымолвить и слово.

К нему подскочил Юрий.

– Извиняйся, – приказал он, затормозив Рэда. – Проси у этой малявки прощения, или я сломаю тебе нос, приятель. Никто из нас не хочет быть зажаренным в этой печке!

Голова режиссера беспомощно болталась из стороны в сторону, казалось, от него волнами исходит страх.

– Я... – Рэд беспомощно шмыгнул носом. – Я не хотел... Простите меня...

Ах прищурилась.

– Я не слышу, – капризным тоном произнесла она и топнула ножкой.

– Прости меня! – с отчаянием выкрикнул Рэд. – Я был не прав!

Ах с великодушным видом кивнула:

– Ладно, принято. Я тоже не садистка какая-нибудь. Пусть ваш заднеприводной режиссер еще поживет. Может, идея новая для фильма придет. Только запомни, Рэд Локко. Когда-то моя покойная мама меня учила: «Прежде чем пукнуть, убедись, что хочешь какать». Держи себя в руках. Это, кстати, касается всех.

На некоторое время все четверо застыли, лишь двигавшиеся грудные клетки говорили о том, что пленники еще живы.

– Заднеприводной? – задумчиво повторил Юрий. Он внимательно оглядел Рэда с головы до ног: – Что бы это значило, Витя?

– Вы полагаете, что здесь вас мучают, – раздался голос Ах, он звучал ровно и уверенно, как голос преподавателя, читающего студентам лекцию. – А теперь представьте, что у вас нет ведра для туалета. Пара дней – и вы задохнетесь от вони. У вас нет сидений – вместо них вы смотрите кино, стоя на коленях... причем на полу рассыпан горох. Или ржавые гайки. А может, даже стекло. А вместо суперзахватывающего фильма «Седая ночь» вам пришлось бы наблюдать, как пытаются ваших родных и близких.

Комната медленно остывала. С едва слышным гудением заработала вытяжка, и пышущий жаром туман начал рассеиваться. Постепенно стены приняли свой привычный вид, и дышать стало намного свободней.

– Что молчишь, Рэд? – наседала Ах. – Нечего возразить, педик?

Алексей смущенно кашлянул.

– Если мне не изменяет память, Рэд Локко примерный семьянин. И у него есть жена, – сказал он, но Ах и бровью не повела.

– Ну и что? Есть слово «надо», а есть «хочется». Жена у Рэда для публики, а мальчики для удовольствия. Он живет в России, поэтому и играет в шпионов. Это на загнивающем Западе всякие лесбиянки с педиками официально женятся, а у нас все еще по углам прячутся. Да, Рэд? А может, ты просто нормальной письки не видел? Хочешь, покажу?

Лицо Рэда пошло пятнами, и Ах подмигнула:

– Не стесняйся, никто никуда не заявит, все строго между нами. А вы, Жанна, можете отвернуться.

С этими словами девочка бросила скакалку на пол и на мгновение задрала свое короткое платьице. На секунду мелькнули белые трусики.

– Может, хватит уже? – Жанне стоило невероятных усилий, чтобы не закричать. Вид кривляющейся хулиганки уже вызывал у нее тупую сверлящую боль в затылке.

– Ну хорошо, – кивнула Ах, разглаживая своими короткими пальчиками несуществующие складки на платье. – Пришло время вопросов. Уверена, вы наверняка подготовились, да? Ответом было гробовое молчание, но «менеджера» это ничуть не смутило.

– Начнем с Жанны, – сказала она. – Поскольку в прошлый раз она была последней, кто задал вопрос.

Жанна посмотрела на экран расфокусированным взглядом. Ее некогда красивые и пышные волосы превратились в сальные космы, которые закрывали ее лицо, и она то и дело усталым движением отбрасывала их назад. Ее губы беззвучно зашевелились, словно у картинки на телевизоре, где полностью выключили звук.

– Смелее, Жанна! – подбодрила женщину Ах.

– Я должна скоро родить, – наконец послышался дрожащий голос пленницы. – Проявите снисхождение... Мой ребенок... он не выживет здесь. Пожалуйста, дайте нам уйти. Мне и моему сыну.

На веснушчатом личике Ах заиграла сочувственная улыбка:

– Да-да, я все понимаю, Жанна. Но правила есть правила. Задавай вопрос, или очередь перейдет к другому.

Жанна как-то болезненно вздохнула:

– Зачем вы держите нас здесь?

Ах поджала губы и почесала коленку.

– Чтобы восстановилась справедливость, милая, – последовал ответ. – Видишь ли, в этом мире должен быть баланс – если где-то убавилось, в другом месте прибавилось. Если кто-то накосячил, отвечать рано или поздно придется. Согласна?

Жанна приподнялась с сиденья, в глазах ее проскользнули злые искорки.

– Так в чем же наша вина? – спросила она, стараясь не сорваться на крик.

Ах издевательски улыбнулась:

– А вот это уже второй вопрос. Время для него еще не пришло. Ну, кто следующий?

Алексей, до этого будто находившийся в каком-то наркотическом ступоре, вдруг весь как-то подобрался и взметнул руку вверх, как школьник на уроке:

– Что мы должны сделать, чтобы вы отпустили нас?

Лицо Ах оставалось абсолютно спокойным и ровным, словно лист бумаги с нарисованными глазами, носом и ртом.

– Всеу свое время, – отозвалась девочка. – Оно придет, и вы узнаете.

Плечи Алексея понуро опустились.

«Похоже, он ожидал совершенно иного ответа», – подумал Есин.

Он уловил вопросительный взгляд Ах, направленный на него.

– Хм... Можешь заменить пиво водкой? – как ни в чем не бывало спросил Юрий. – Думаю, граммов двести меня устроит.

Ах залилась звонким смехом.

– Мне нравится нестандартный подход к ситуации, – заявила она, закончив смеяться. – И хотя это больше смахивает на просьбу, чем на вопрос, я думаю, мы обмен организуем. По крайней мере, это желание выполнить легче, чем просьбу Жанны.

– У меня тоже есть вопрос, – раздался скрипучий голос Рэда. После того как жаркий воздух улетучился, пожилой режиссер, отдышавшись, немного пришел в себя и теперь с нескрываемым гневом смотрел на мультяшную девчонку.

Ах показала ему фигу.

– Хрен тебе, старикашка, – нараспев проговорила она. – Ты получаешь бан за свое поведение. В следующий раз будешь вежливей.

Рэд стиснул зубы, молча проглотив обиду.

Ах подняла скакалку и принялась ее вращать над головой, словно боевую пращу. Она приоткрыла рот, откуда неожиданно показались кривые желтые клыки. Глаза «менеджера» превратились в угрожающие шелки, из них заструился дым.

– Бог дал вам всем мозги, – низким, утробным голосом заговорила девочка. Скакалка с силой щелкнула в воздухе, и от этого резкого звука, похожего на выстрел, Жанна вздрогнула.

– Каждое действие влечет последствия, – продолжила Ах.

Щелк!

– Думайте, прежде чем открывать рот. Думайте, прежде чем сделать какой-то шаг.

Щелк, щелк!

Рэд в оцепенении смотрел, как неуклюжая девчужка со смешными бантами прямо на глазах превращалась в монстра. Рыжие волосы превратились в косматую седую гриву, глаза глубоко запали, став черными дырами с рваными краями, изо рта выполз раздвоенный язык.

– Подумайте... сто раз... стоит ли что-то делать... если это... принесет кому-то горе! – проревело существо, и через секунду оно, крутанувшись на пятке, вновь предстало в образе умильной девочки с веснушками. Ни седых волос, ни клыков, ни раздвоенного языка. – Как я уже говорила, вас ждет одно задание, – сказала она. – Скажем так, это в некотором роде предложение для вас. Если вы внимательно смотрели фильм, то должны были обязательно заметить один нюанс. Его не было в оригинале. Тому, кто заметит несостыковку, будет приз.

– Нет здесь никаких различий, – хмуро сказал Рэд. – Я знаю свои картины наизусть.

Ах с укором посмотрела на режиссера:

– Если бы это было так, задания бы не было. Возможно, вы невнимательны или у вас начался маразм – это ваши проблемы. В общем, у вас есть ровно сутки. До встречи завтра в девятнадцать пятьдесят! Ну а сейчас мы возвращаемся к нашему распорядку дня! Уважаемые зрители, вас ожидает занимательное кино! Встречайте: «Седая ночь»!

Закончив свою речь, Ах поклонилась, и в тот же миг на экране снова замерцали знакомые до тошноты кадры.

Как только интерактивная кукла исчезла, нервы у Жанны, до последнего момента подрагивающие, словно тоненькие струны, все же лопнули. Силы покинули беременную женщину, и она зарыдала. Но как только она опустила голову, отведя взор от экрана, включилась сирена.

– Смотрите фильм. Пожалуйста, – сдавленно произнес Алексей. – Нам нужно всего... переждать шесть сеансов. Всего... шесть часов.

Он умолк, словно испугавшись собственных слов, половину из которых заглушили скрежущие до дрожи звуки сирены.

– Оставь ее в покое, – Юрий внезапно занял сторону Жанны. – Пусть поплачет. Пару минут ничего не изменят.

Он смотрел на застывший экран – во время сирены фильм всегда ставился на паузу – и чувствовал, как на его потном, небритом лице расплывается улыбка. Дикая, ненормальная улыбка, в которой уже не было ничего человеческого.

– Шесть часов, говоришь? – прокудахтал Есин, давясь от безумного смеха, распиравшего его. – Всего какие-то шесть часов, черт возьми!

Жанна подняла голову, мокрые глаза блестели сквозь пряди грязных волос. Поясницу словно хлыстом стегала жгучая боль, от постоянного сидения ныли мышцы бедер, огромный живот сводило судорогой, но внутри (и это вызывало у нее панический страх) почему-то подозрительно тихо. Дима уснул? Дима устал? Или просто решил вести себя спокойно, пока мама не придет в себя?!

Жанна всхлипнула. Отогнав от себя мрачные мысли, она стеклянным взором уставилась на экран. Сирена тут же утихла. Кино продолжалось.

* * *

«Седая ночь», 1995 г., действие третье

Черный как ночь «Мицубиси» ровно катил по пустынной трассе. Дождь постепенно затихал, порывистый ветер стремительно разгонял тучи, небрежно расшвыривая сизые клочья по темному небу.

– Поставь «Cannibal Corpse», – попросил Карпыч. – Я с собой диск взял, он в бардачке. «Overkill» классная банда, но слегка утомил.

Фил открыл бардачок и, пошарив рукой, извлек из него диск в коробочке с кривой трещиной наискосок. Через минуту в машине загредел ошеломляющий двойной бас и взрывные аккорды электрогитары, преобразованные мощным дисторшеном в яростные звуки из преисподней. Эту адскую мешанину, словно ржавый нож, прорезал грубый, звериный рык, мало напоминающий человеческий голос.

– Мощная тема, – удовлетворенно кивнул Фил. – Как альбом называется? – он взглянул на пустой бокс с трещиной. – У тебя обложки нет.

– «Butchered at birth», – ответил Карпыч. – Ты английский учил, как переводится? Убитый на дне рождения?

– Нет. Зарезанный или замученный при родах.

Карпыч издал губами всасывающий звук.

– Эта ведьма мне бампер сломала. Еще фара разбита. Отец мне за это яйца оторвет.

– Херня. Скажешь, лиса выскочила.

– Ага, лиса. От лисы таких вмятин не бывает.

Фил приложился к бутылке.

– Ты и твой папаша – меркантильные жлобы. Подумаешь, чуток тачку помяло.

Карпыч прерывисто вздохнул и на мгновение выпустил руль из рук. Машину повело вправо, колеса яростно зашуршали по гравию, которым была засыпана обочина.

– Эй, эй! – возмущенно крикнул Фил. – Хватит с нас одного старого пугала! Еще и нас хочешь угробить?!

– Все под контролем! – возбужденно воскликнул Карпыч. – Не бзди, Филыч!

– Не бздеть будем, когда все закончим. Вот скинем в озеро эту калошу, тогда и посмеяться можно.

Карпыч умолк. Казалось, он напрочь забыл о том, что в багажнике машины его отца в данный момент находится пожилая женщина, которую они вместе с приятелем собирались утопить.

– В машине останутся следы крови, – озабоченно сказал он.

Фил громко чихнул и вытер нос.

– Отгонишь в сервис. Скажешь, мясо для шашлыка потекло, – сказал он и добавил: – После этих колес всегда чихать хочется, хе-хе. Единственная побочка. Кстати, она сказала о каких-то лекарствах для Оленьки.

– Оленьки? – Карпыч наморщил лоб, словно пытаясь сдвинуть с места мозговые шарниры, которые уже порядком закисло от застоя. – Кто это?

Фил прыснул от смеха.

– Твоя сестра, придурок, – с серьезным видом ответил он.

Карпыч захихикал, принимая шутку.

– Весело, да. Но у меня нет сестры. Я хотел брата, Фил. А у матери после меня было три выкидыша. – Он хотел сказать еще что-то, но вместо этого тоже чихнул.

– Смотри, не зарази меня триппером, – кривляясь, сказал Фил, демонстративно отстраняясь в сторону, и эти действия вызвали новый взрыв визгливого смеха.

– Грустно, что Кролик нас подставил с вечеринкой, – сказал Карпыч.

– Да. На него нельзя положиться.

– Че делать-то будем? У меня зависнем? – Он забрал у Фила бутылку с остатками рома и одним махом допил их.

– Ну, так как?

Фил покачал головой.

– Эврика, – заявил он, и в глазах его заплясали безумные огоньки. – У меня идея! Ну-ка, остановись.

– Зачем? – удивился Карпыч.

– Затем, что надо.

Тормоза надсадно завизжали, и автомобиль встал как вкопанный.

– Подними крышку багажника, – приказал Фил, и Карпыч щелкнул кнопкой.

Оставив двери открытыми, они вышли наружу. И тут же услышали протяжный стон, доносящийся из недр машины.

– Ой, погибаю, – всхлипывала старуха, когда над ней склонились два лица. – Помогите, родненькие! Не мучьте, Христом Богом прошу! Помогите!

Она зашевелилась, вытягивая сломанную руку. Растопыренные пальцы, измазанные кровью, смахивали на когти старой птицы. Раненая тяжело дышала, с хрипом и клекотом, словно прохуdivшийся агрегат, который работал на пределе своих возможностей.

– Вы где живете, бабушка? – с наигранным сочувствием спросил Фил.

– Помогите, сынки... – будто не слыша вопроса, снова заскулила пожилая женщина.

– Где живете? Вы здешняя?

Старческие глаза, поблескивая в сумерках, испуганно моргали.

– Село Воропаево... – наконец разлепила она губы. – Улица Трудовая... Крайний дом, у колонки... Сынок, не дай помереть... Оленька там одна... Внученька...

– Она мне всю тачку уделала, – сказал Карпыч, с брезгливостью глядя на кляксы и разводы крови, которой была запятнана вся внутренняя поверхность крышки багажника. – Еще и обоссалась. Тьфу!

– Вас только двое? – громко и членораздельно спросил Фил у раненой. – Кто еще с вами живет в доме?

Ответом был глухой стон.

– Значит, больше никого, – подвел итог Фил. – Село Воропаево... Кажется, мы проезжали его минут двадцать назад?

Карпыч посмотрел на мокрую ленту дороги.

– Было дело. А что ты забыл в этом болоте?

Фил захлопнул багажник, при этом прищемив пальцы здоровой руки старухи, и она заголосила от боли.

– Что ты задумал? – не отставал Карпыч. Чихнув, он требовательно смотрел на друга.

– Вечеринка у Кролика все равно накрылась, – рассудительно сказал тот. – Почему бы не провести время у Оленьки?

Несколько секунд Карпыч непонимающе таращился на Фила, затем уголки его рта поползли к ушам.

– Почему бы и нет? – сказал он, и глаза его зажглись маслянистым блеском.

– Только номер сними, – вдруг сказал Фил и чихнул. – Так, на всякий случай.

Они весело засмеялись. Из багажника продолжали раздаваться жалобные крики.

Через пять минут автомобиль снова тронулся в путь.

* * *

Этой ночью Юрию тоже приснился сон. Это было особенно удивительно, если принять во внимание, что последний раз он видел сны в студенческие годы. И прекратились сновидения примерно после того, как закончились съемки «Седой ночи».

Он словно вернулся на двадцать лет назад. Поздний вечер выходного дня, они с Аллой – его ныне покойной женой – сидят в гостиной и, смакуя виски со льдом, курят кальян. Дочка давно спит, по телевизору идет какая-то комедия, им тепло и уютно, в их отношениях царит идиллия, и они счастливы.

Неожиданно картинка на экране замирает, и жена озабоченно спрашивает:

«Я забыла тебе сказать. Пока ты принимал душ, тебе звонил твой приятель. Как там его... Карпыч».

Юрий натянуто улыбается, вдыхая густой дым с ароматом вишни с манго.

«У меня нет друга с таким именем».

Но жена непреклонна:

«Нет, есть. Он так представился».

Улыбка на его лице тускнеет, но он все еще пытается сохранить маску благодушия.

«Это какая-то ошибка», – пытается он возразить.

Алла делает крошечный глоточек, глаза бутылочного цвета смотрят прямо на него.

«Никакой ошибки нет. У тебя есть друг Карпыч, и сейчас вы поедете на какую-то вечеринку. Он заедет за тобой на машине».

Юрий вздрагивает, от неловкого движения руки его бокал с тихим стуком падает на ковер. Полурастаявшие кубики льда закатываются под диван, на котором они так уютно расположились.

«Карпыч. Он ждет тебя», – настаивает жена.

Есин беспомощно смотрит на застывший экран телевизора, и ему кажется, что мутная тень на нем обретает черты бледного лица, искаженного в диком крике. Он хочет сказать, что да, среди его знакомых есть один парень – Алексей, но его кличка вовсе не Карпыч, потому что Карпыч – это вымышленное имя одного гребаного садиста и убийцы из фильма Рэда Локко. Алексей же лишь сыграл роль этого чертового Карпыча. Юрий хочет пояснить, что фильм этот – полнейшее дерьмо, шлак, который даже и фильмом-то не достоин называться, и снимался он двадцать пять лет назад. Он также хочет добавить, что в этой чудесный вечер он не планировал ехать ни на какие вечеринки, потому что у него есть семья.

Все это он хочет сказать, но слова застревают в глотке, будто некая липкая масса, и все, на что его хватает, – лишь прерывисто вздохнуть, издавая какое-то бессвязное мычание.

Неожиданно во всем доме гаснет свет, и Алла тревожно ойкает.

«Я принесу свечи», – успокаивает Юрий и быстрым шагом уходит на кухню.

Когда он возвращается, за окном слышится автомобильный гудок.

«Карпыч. Он ждет тебя», – хихикает Алла.

Юрию не по себе, когда он слышит голос жены. Какой-то он странный, нечеловеческий. Словно принадлежит не Алле, а злобно ухмыляющемуся троллю.

Он зажигает свечу и ставит ее на стол. Снова раздается нетерпеливый гудок, потом еще и еще. Тот, кто снаружи, явно не намерен ждать.

Алла молчит, скукожившись на диване, и Юрию почему-то становится жутковато от ее позы – он даже не решается посветить свечкой в ее сторону, чтобы убедиться, все ли с ней в порядке.

Загорается экран телевизора, и он машинально смотрит в сторону источника звука. Странно, включился только телевизор, все остальное погружено во тьму. Он видит черный «Мицубиси», несущийся по ночной трассе как предвестник смерти, и пригибается, словно от удара плетью.

«Алла?» – осторожно говорит Юрий, стараясь больше не смотреть на экран, который притягивал его взор словно магнитом. Потому что он знает, что там показывают.

«Если ты не хочешь ехать на вечеринку, тогда иди и разбуди нашу дочь, – слышится знакомый голос, от которого у Юрия начинают шевелиться волосы на голове. – Кристина очень хотела посмотреть „Седую ночь“. Поспеши, милый. Аха-ха».

Трясушейся рукой Юрий поднимает свечу и кричит не своим голосом. Вместо супруги перед ним на диване та самая мультяшная Ах, в своем неизменном платье в горошек. Девочка раздвигает спутанные пряди рыжих волос, и Юрий обмирает от ужаса – перед ним оскаленный череп, и в бездонных глазницах он видит бушующее пламя, словно внутри этого создания полыхает пожар.

«Ты не забыл, что вы сделали на съемках?! – сварливым голосом спрашивает Ах. – Ты помнишь?! Ты помнишь?!!»

Ее голос переходит в пронзительный визг, бьющий по барабанным перепонкам, и Юрий, позабыв обо всем на свете, тоже кричит, он кричит, мысленно призывая себя проснуться как можно быстрее и избавиться от этого кошмара...

* * *

Близилось время ужина. До окончания очередного показа «Седой ночи» оставалось восемь минут, когда Жанне сделалось дурно и она потеряла сознание. Очевидно, что рано или поздно это должно было случиться, чему способствовали спертый плотный воздух, пропитанный дикой мешаниной запахов застоялого пота, нечистот из ведра и кисловатого пива; бесконечные кадры чудовищных истязаний и пыток, колоссальный стресс, чувство голода, плюс ее предродовое состояние. В глазах Жанны вдруг потемнело, по телу пробежала мелкая дрожь, она обмякла, словно разделанная тушка, из которой вынули все кости, и тихо сползла по стулу вниз.

Не успело ее лицо коснуться стальной поверхности пола, как картинка на экране застыла, после чего проснулась сирена.

Юрий улыбался улыбкой мертвеца, не сводя немигающего взгляда с поставленного на паузу кадра. На нем было запечатлено его собственное ухмыляющееся лицо, лицо Фила, жестокого насильника, садиста и убийцы. Скрежет сирены безжалостно истязал мозг, и он инстинктивно закрыл руками уши, хотя это слабо помогало.

Алексей вскочил с места. Расстегнутая рубашка с темными пятнами пота под мышками выглядела засаленной и изжеванной, волосатое бледное пузо подрагивало, как тающий холодец. Волосы взъерошены, а выпученные свинячьи глазки на заметно похудевшем лице полы-

хали яростью. От учтивости и вежливых манер банкира не осталось и следа. Он кинулся к неподвижно лежащей Жанне.

– Вставай! – заорал он, тщетно пытаясь перекрыть сирену. – Приходи в себя, черт тебя подери! Я не собираюсь слушать это дерьмо только потому, что тебе стало нехорошо!

Видя, что слова на женщину не действуют, Балашов затормозил ее.

Юрий медленно поднялся с места. Голова слегка кружилась, перед воспаленными глазами, словно горячие искры, то и дело вспыхивали кадры «Седой ночи», от которой его уже не просто тошнило, а выворачивало наизнанку.

– Давай, Карпыч, – прокричал он. – Врежь ей! Иначе она не проснется.

Вряд ли этот совет, заглушаемый дребезжащим визгом сирены, был услышан Алексеем, но банкир сделал именно то, что прозвучало из уст Юрия, – отвесил Жанне пощечину. На бледной щеке женщины проступило розовое пятно.

– Перестаньте, – усталым голосом произнес Рэд. Его седые волосы, похожие на клочья паутины, растрепались, сделав его похожим на ведьму.

Поднявшись со своего места, режиссер приблизился к Алексею, который к тому времени успел еще раз ударить Жанну.

– Остановитесь! – гаркнул Рэд, перехватив запястье Алексея. – Не уподобляйтесь тому, роль кого вы играли!

Юрий ухмыльнулся, показывая крепкие желтые зубы:

– Неужели ты не понял, что от нас именно этого хотят? Чтобы мы оказались именно такими, какими ты нас изобразил в кино?!

– Не трогай ее, – повторил Рэд. – Она ни в чем не виновата.

– Отвали, старик, – тяжело дыша, огрызнулся Алексей. – Или я суну твою голову вон в то ведро с дерьмом!

– Угомонитесь! – сказал Рэд. – Разве будет лучше, если мы перегрызем здесь друг другу глотки?

– Вдруг она сдохла?! – закричал Алексей, теряя остатки самообладания. – Тогда вместо кино мы сутками будем слушать сирену! У меня аллергия на эту дрянь!

К ним подошел Юрий. Присев на корточки, он потрогал вену на шее женщины и поднял голову:

– Она жива, просто в обмороке. Оставьте ее. Кстати, для разнообразия можно послушать и сирену. Тем более осталось две минуты до конца фильма.

Алексей выпятил нижнюю губу, словно обиженный ребенок, которому не купили понравившуюся игрушку.

– Я не могу слушать эту херню, – уныло сказал Балашов.

– А я устал смотреть херню по телевизору, – в свою очередь заявил Юрий.

– Ты только что ел ногу сваренного младенца. Там ты не выглядел усталым, Фил.

– Пошел ты, Карпыч, – сплюнул Юрий. Слюна вязким комком застыла на полу, и он размазал ее подошвой туфли. – Это кино. Рэд прав. Не будем превращаться в скотов. Правильно, Рэд?

Режиссер предпочел промолчать, а в памяти Юрия мелькнули образы ночного кошмара – жуткое существо на диване, мерзко каркающее: «Ты помнишь, что вы сделали?! Помнишь?!...»

Алексей грязно выругался. Затем, заткнув уши ладонями, он грузно шлепнулся в угол и молча уставился прямо перед собой.

Ровно в семь вечера сирена умолкла и вверху зашуршал трос, на котором спускался ужин. Юрий, соблюдая все предосторожности (он все еще помнил жгучий удар током, от которого на ладони до сих пор краснел безобразный ожог), отцепил пакеты от крючка, и доставочный «лифт» снова поднялся вверх. Люк на потолке бесшумно закрылся.

– Сколько мы так протянем? – тихо спросил Рэд, покосившись на свою порцию. – Неделю? Две?

– Человеческий организм весьма вынослив, – отозвался Юрий. – Ого! Молодец девка, держит слово!

С величайшей осторожностью он вынул из пакета пластиковый стаканчик с крышкой, в который обычно наливают кофе «с собой». Сорвав крышку, Юрий жадно принялся.

– Водка? – без особого интереса поинтересовался Алексей.

Есин кивнул.

– Эх, сейчас бы черный хлебушек и селедочку с лучком, – мечтательно произнес он. Вздохнув, он залпом осушил стаканчик.

– Зря вы выпили, – вдруг сказал Рэд.

– Тебе-то что?

– Во-первых, спиртное могло бы нам пригодиться для дезинфекции – мало ли, что дальше будет происходить. Во-вторых, после водки вам захочется пить. А кроме пива и молока, тут ничего нет, и завтрак только в пять утра... Впрочем, это уже ваши трудности.

– Мы все сдохнем здесь, – сквозь зубы проговорил Алексей. Резким ударом ноги он опрокинул ведро с попкорном, и раздувшиеся белесые зерна кукурузы рассыпались по полу. Одно из них почти коснулось указательного пальца Жанны, которая так и лежала без чувств.

– Не будь таким пессимистом, Карпыч, – сказал Юрий. Он сел напротив банкира. – Если не можешь изменить ситуацию, измени свое отношение к ней. Сечешь?

– Да иди ты, – пробурчал Алексей.

– Девчонка говорила о каком-то отличии в фильме. Которого нет в оригинале, – напомнил Рэд. Он вяло грыз попкорн, полубезумный взгляд режиссера блуждал по стенам «кинотеатра», изредка останавливаясь на погасшем экране. – Кто-нибудь что-то заметил? Какую-либо несостыковку? Клянусь, я следил за каждым кадром, но ничего не заметил. Фильм как фильм. Я ведь знаю его наизусть, чуть ли не посекундно!

Юрий пожал плечами и сказал:

– Эта сучка упомянула, что должна восторжествовать справедливость. Помните? Может, мы должны покаяться в собственных грехах? Ваши мнения?

Алексей потянулся к пиву и жадными глотками выпил почти весь стакан, оставив лишь на доньшке.

– Я знаю, в чем дело, – произнес он. – От нас хотят повторения фильма. Чтобы все произошло снова, только в реале! Обратите внимание, все подстроено так, что в нашей компании оказалась беременная Жанна! Или, думаете, это совпадение?!

Никто ничего не ответил.

– Я переживаю за Жанну, – после минутной паузы тихо сказал Рэд. – Она вот-вот должна родить. Что мы тогда будем делать?

Юрий покачал головой, глаза его холодно сощурились:

– В твоём фильме ребенок родился сам?

– Нет, – протянул Рэд, пытаясь понять, куда тот клонит. – Ты хочешь сказать...

– Все знают, что было в фильме, – перебил режиссера Алексей. – Мы с Филом вырвали его из женщины.

Несколько секунд он с мрачным видом смотрел на рассыпанный попкорн, затем вздохнул и принялся собирать его обратно в ведро.

Экран загорелся вновь ровно по расписанию. Ах, мурлыча под нос какую-то песенку, на этот раз была на трехколесном велосипеде.

– Мне кажется, мы все давно сошли с ума, – промямлил Рэд, наблюдая за девочкой. – Или умерли.

– Нет, дружище, – сказал Юрий. – Я начинаю понимать, что право умереть в этих стенах еще нужно заслужить.

– Привет, – подмигнув, поздоровалась Ах. – А что это с вашей подругой? Почему она на полу?

– Потому что она лежит, – в тон ей ответил Юрий. – Неужели непонятно?

Но Ах, судя по всему, сарказм мужчины не оценила.

– Она умерла?

– Разве это не видно на ваших мониторах? – вместо ответа спросил Алексей. Собрав все до одного раздутые зерна кукурузы обратно в ведерко, он принялся их жевать.

Ах слезла с велосипеда и с сосредоточенным выражением лица почесала попу.

– От этого велика трусы постоянно в задницу залезают, – пожаловалась она, поправляя платье. – У вас такое бывало? Ну вот. Просила Оха купить мне шорты, а он: «Какие шорты, Ах? Ведь нам надо кормить гостей». Вот так, все деньги вам на попкорн и пиво уходят... А я в обносках хожу. – Девочка снова взглянула на бесчувственное тело Жанны. – Если она умерла, вам спустят пилу. Вы ее распилите и положите в ведро, потому что целиком такая тетя в дырку не пройдет. Аха-ха.

– Распилить? – ошарашенно переспросил Рэд. У него был такой вид, словно его огрели лопатой по затылку.

Ах кивнула.

– Нельзя, чтобы тело разлагалось, – авторитетно заметила она. – Дышать трупным ядом вредно. У вас и так, как я погляжу, душновато.

Юрий метнул взор в сторону загаженного ведра, из которого несло фекалиями, и с трудом сдержался от едкой реплики.

– Маленькая сука, – чуть слышно проговорил он.

– Спокойно, Фил... то есть Юрий, – шепнул Рэд. – Не оскорбляй ее. С меня хватит прошлой бани. В этот раз, если она рассердится, мой моторчик может не выдержать.

– Приведите ее в чувство, – велела девочка.

Мужчины обменялись взглядами, и после короткой паузы Юрий поднялся с пола. И сразу почувствовал приятную легкость в голове – водка, учитывая отсутствие нормальной закуски, быстро ударила в голову.

Он склонился над Жанной, пристально вглядываясь в побледневшее лицо женщины.

– Солнце, приходи в себя, – сказал он и сильно ущипнул ее за мочку уха. Затем еще раз, и Жанна вздрогнула. – Иначе нам придется тебя расчленить, как в фильме. Ну?! – повысив голос, сказал он и снова с силой сжал пальцами ухо Жанны.

Она жалобно всхлипнула, веки затрепетали.

– С ней все в порядке! – крикнул Юрий, выпрямляясь.

– Боже мой, – выдохнула Жанна, приподнимая голову. – Мой ребенок...

– Пока еще в тебе, – откликнулся Юрий.

– Вы нашли отличие в фильме от оригинала? – спросила Ах. – В прошлый раз вы получили задание.

Никто не проронил ни слова.

Терпеливо выждав минуту, девочка хмыкнула:

– Вам придется смотреть этот фильм до тех пор, пока не увидите. Сегодня вы посмотрели его двенадцать раз. Ну, почти двенадцать, концовку вам Жанна слегка испортила. Неужели никто ни о чем не догадался?

– Что насчет вопросов? – хмуро спросил Рэд.

Ах сделала реверанс и показала режиссеру розовый язычок. Казалось, она уже не скрывала свое неприязненное отношение к этому долговязому пожилому мужчине с седыми прядями волос.

– Вопросы сегодня вы задавать не будете, – произнесла она.

Рэд прищурился:

– Что, правила изменились?

Ах переступила своими толстыми ножками и протянула:

– Все нет. Просто сегодня такой день – день без, мать его ети, чертовых вопросов.

Устраивает?

Рэда это, понятное дело, не устраивало, но и особого желания спорить по этому поводу с Ах у него не было.

– Да и вообще какой смысл в этих вопросах? – продолжала разглагольствовать девочка. – Разве что они заставляют работать ваши киснущие мозги, силясь узнать о своей судьбе. Поверьте, все уже давно решено без вас.

После этой фразы Жанна вздрогнула. Хрипло вздохнув, она села и выпрямила ноги в коленях. Юрий не к месту заметил, что ее гладкие стройные ноги начали покрываться царапинами и грязными разводами.

– Ты сегодня напряженная, Ах, – вдруг сказал Рэд, пристально наблюдающий за «менеджером». – Что-то случилось?

Ах погрозила ему пальчиком.

– Хитрый старик, все видит, – хихикнула она, и лицо ее тут же омрачилось, словно солнце закрыла дождевая туча. – Мы поругались с Ох. Он считает, что я плохо справляюсь с обязанностями менеджера. Поэтому... – она вздохнула, – мы проведем голосование. В нашем кинотеатре внимательно отслеживают реакцию зрителей на качество обслуживания. Вопрос, вынесенный на голосование, таков: кто за смену менеджера? Кто за – поднимите руку. Потом поднимут руки те, кто против. У вас минута на размышление.

Выпалив все это, Ах демонстративно повернулась к пленникам спиной.

Рэд снял очки и нервно протер стекла рукавом своей порядком измочаленной и потерявшей белизну сорочки.

– Итак, поиграем в демократию? – негромко спросил он. – Признаюсь, для меня это неожиданность.

– Я за то, чтобы эта дура убралась отсюда, – шепотом известил Юрий. – Еще пару дней в ее обществе, и я сыграю в ящик.

– Я присоединяюсь, – поддакнул Алексей. – Если есть выбор, нужно рискнуть.

Рэд выглядел озабоченным:

– Помните старое житейское правило? «Берегите начальника, новый может быть хуже предыдущего». По крайней мере, мы знаем, что представляет собой эта рыжая пигалица. А вот кто займет ее место? Жанна, вы что скажете? Важно знать, что думает каждый из нас!

Жанна, до этого момента хранившая молчание, едва заметно пожала плечами:

– Во всяком случае, эта кукла относительно предсказуема.

– Это значит, что ты против? – уточнил Алексей.

Женщина не ответила. Она стала погружаться в полусонное состояние, ее веки тяжело опускались и поднимались, будто прихваченные клеем.

– Значит, два на два, голоса поровну, – подытожил Юрий. – Так голосовать не получится. Нужен перевес хотя бы в один голос.

– Время! – прозвучал голос Ах, и взгляды всех четверых устремились на экран.

– Ваше решение, зрители? – задала вопрос девочка, теребя уголок платья. – Кто за то, чтобы я больше не была вашим менеджером?

Юрий поднял руку первым. После секундного замешательства Алексей последовал его примеру. Ах уперла руки в бока, ее лицо было бесстрастным.

– Еще есть желающие?

Юрий мельком взглянул на Жанну, потом перевел взор на пожилого режиссера. Медленно и тягуче поползли секунды. Внезапно Жанна расправила плечи.

– Есть, – сказала она и подняла руку.

Ах надула губы и шаркнула ножкой:

– Кто против?

Теперь все смотрели на Рэда. Юрий – с холодным безразличием, Алексей – с плохо скрытой неприязнью, взгляд Жанны вообще ничего не выражал.

Правая рука режиссера медленно вытянулась вверх, словно корабельная мачта. Неожиданно по круглому лицу Ах прокатилась слезинка.

– Не ожидала, что ты поддержишь меня, – призналась она.

Локко пожал плечами и опустил руку.

– Не знаю, что тебе светит за результат этих так называемых выборов... – невозмутимо проговорил он. – Но я всегда страшился неизвестности. Тебя, Ах, в конце концов, мы более-менее знаем. Если тебя накажут за то, что мы проголосовали против, то... в общем, я не хотел бы никакого насилия.

На щетинистом лице Юрия появилась волчья ухмылка:

– В это трудно поверить, смотря твои фильмы.

Рэд оставался бесстрастен и спокоен.

– Кино есть кино, реальная жизнь складывается несколько иначе, – сдержанно изрек он.

– И что дальше? – моргнув, с глупым видом спросил Алексей.

– Дальше у вас будет другой менеджер, – ответила девочка. – Ваши голоса лишь подтверждали, что я не справилась с обязанностями. А теперь смотрите фильм и ищите отличия, – закончила она.

Жанна вновь подняла руку:

– Я знаю, чем эта версия отличается от оригинала.

Ах, уже было севшая обратно на велосипед, оживилась:

– Да что ты? И в чем же суть отличия?

– В фильме, то есть... в финальных титрах... было имя, – Жанна говорила сбивчиво и запинаясь, словно растерявшийся студент, которому профессор на экзамене задал вопрос не по теме. – Среди других актеров было имя... Воробьева Ирина. Ее нет среди нас. И в оригинальной версии имя этой женщины не упоминалось.

Ах захлопала в ладоши, но при этом ее лицо оставалось мрачнее тучи.

– Браво, – сказала она, закончив аплодировать. – Свой приз ты получишь перед сном. А сейчас кино. Его никто не отменял. Аха-ха.

И прежде чем кто-то успел опомниться, картинка с Ах исчезла, после чего на экране замелькали кадры «Седой ночи».

* * *

«Седая ночь», 1995 г., действие четвертое

Стрелка наручных часов, по которым мазнул взглядом Фил, замерла на двенадцати ночи.

– ...И сказал Тайсон Золушке: «Запомни, Золушка. После двенадцатого удара твоя физиономия превратится в тыкву», – нараспев проговорил он, и Карпыч захрюкал от смеха.

– Я рад, что у тебя хорошее настроение, – кивнул Фил. Он разглядывал свои руки в бледном свете выглянувшей из-за туч луны. Засохшая кровь, которой он измазался, пока затаскивал пожилую женщину в багажник, была похожа на чернила, и от нее пахло медными стружками.

– А вот и Воропаево, – востроился Карпыч. – Как там она сказала?

– Дом у колонки, – ответил Фил и стиснул крепкие пальцы в кулак. – Колонка, колонка... есть колонка музыкальная, а есть колонка в архитектурном ансамбле. Существует колонка в газете. Также есть колонка, из которой набирают воду. Как ты думаешь, какую она имела в виду?

– Братуха...

Фил бросил на приятеля изучающий взгляд.

– У тебя еще остались эти колеса? – спросил Карпыч, словно извиняясь.

– Для тебя ответ положительный, – краем рта улыбнулся тот.

«Мицубиси» съехал с трассы, и машину тут же заболтало на вязких ухабах и выбоинах. Сильный ливень превратил и без того разбитую сельскую дорогу в непроходимую слякотную кашу, но машина упорно продвигалась вперед.

– А мне понравился «Cannibal corpse», – сказал Фил, закуривая. От резкой тряски кончик сигареты никак не хотел окунуться в огонек зажигалки, но Фил был терпелив. Наконец он глубоко затянулся. – Как ты там говорил? «Замученный при родах»?

– Ага. Есть еще неплохой альбом, «Bleeding». Кровотечение то есть. Эти ребята любят тему смерти. Собственно, как и темы пыток, аборт и суицида.

Найти нужный дом не составило большого труда. Село Воропаево состояло из трех улиц, и через несколько минут молодые люди уже выбирались из машины, припаркованной у ржавой водопроводной колонки.

Карпыч брезгливо смотрел на приземистый дом, буквально вросший в землю, который виднелся за покосившимся штaketником, настолько прогнившим, что было непонятно, зачем он вообще нужен.

Они открыли ветхую калитку и поднялись на крыльцо. Раскисшие от сырости ступеньки закрипели под тяжестью неожиданных гостей. Фил постучал в облезлую дверь.

– Будет облом, если ее внучка окажется страшной, – вполголоса сказал Карпыч, но Фил лишь поднес к губам указательный палец и ничего не ответил.

Через мгновение в глубине дома послышались шаги, и женский голос с тревогой спросил:

– Кто там?

Студенты посмотрели друг на друга.

– Извините за поздний визит, – начал Фил. – Вы, случайно, не Оля?

Заскрежетал замок, и старая дверь с усилием отворилась. Темнота мешала разглядеть возникшую перед ними женщину, они видели лишь контуры ее тела и глаза, блестящие в темноте серебряными монетами.

– Да, меня зовут Ольга. Что вам нужно? – с легким беспокойством спросила она.

Фил откашлялся и торопливо заговорил:

– Вы живете с бабушкой?

– Да, с бабушкой... С ней что-то случилось? Она должна была уже давно прийти!

– Вы только не пугайтесь. Дело в том, что мы были свидетелями небольшой аварии, – продолжал на ходу выдумывать Фил. – Вашу бабушку на дороге случайно зацепила машина, но вы не переживайте. С ней все в порядке.

Женщина ахнула, покачнувшись.

– Где она?!

– Можно, мы войдем? – вкрадчивым голосом поинтересовался Карпыч, и хозяйка машинально отошла назад, пропуская в дом молодых людей.

Фил аккуратно закрыл за собой дверь. Теперь, когда Ольга была на свету, они смогли рассмотреть ее. Относительно молодая, лет двадцати пяти, с простоватым, но милостивым лицом и громадными серыми глазами. Густые темные волосы тяжелыми волнами ниспадали на ее плечи, но взоры Фила и его друга были прикованы к огромному животу хозяйки дома. Ольга

была беременна, причем, судя по животу, вот-вот должна была родить. На ней был старый выцветший халат.

– Где бабушка? Что с ней?! – заговорила молодая женщина.

Из комнаты бесшумно вышла тощая кошка дымчатого окраса. Остановившись у босых ног женщины, она равнодушно уставилась на молодых людей.

– Вы не волнуйтесь, – подал голос Карпыч и нервно хихикнул. – Вашу бабушку отвезли в больницу. Но она попросила навестить вас и сказать, что с ней все хорошо.

– Она просто ушибла руку, – поддержал приятеля Фил и сально улыбнулся.

– Ну, не только руку, – зевнул Карпыч. – Еще спину. Совсем чуть-чуть. Старые кости – они такие хрупкие... одно неловкое движение, и – хрясь!

Только сейчас Ольга запоздало поняла суть происходящего. Вскрикнув, она попятилась.

– Стой, куда же ты! – пропыхтел Фил. – Клубничка пухленькая...

Ольга развернулась, пытаясь укрыться в одной из комнат, но Карпыч успел вцепиться в ее волосы. Она завизжала. Испуганная кошка, мякнув, метнулась куда-то в темный угол.

– Оля. Оля, – произнес Фил, словно пробуя имя на вкус. – Оленька! – Он приблизился вплотную к беременной, остановив свое потное ухмыляющееся лицо в нескольких сантиметрах от ее горла, на котором трепыхалась голубая жилка. – Красивое у тебя имя.

Фил плотоядно улыбнулся, пока Карпыч наматывал на кулак волосы молодой женщины.

– Вас только двое? – спросил Фил, подняв глаза, и Ольгу обуял животный ужас. Ей казалось, что на нее немигающим взором смотрит кобра. Еще чуть-чуть – и она сделает смертельный бросок.

– Нет... нет, скоро должен муж прийти, – выдавила она. – Он... после смены.

Фил наотмашь ударил ее по губам, брызнула кровь. Ольга закричала от боли.

– Врать нехорошо, – покачал головой Карпыч. – Меня вот в школе так учили. А тебя что, не учили тому, что обманывать нельзя?

– Мне кажется, Оля в школу не ходила, – предположил Фил и следующим ударом в челюсть сразил Ольгу наповал. В последний момент Карпыч успел подхватить обмякшее тело молодой женщины.

– Грубо, Фил, – заметил он.

– Нам нужно принести ее бабулю, – деловито сказал тот. – Ей наверняка там уже скучно стало...

Карпыч с сомнением посмотрел в сторону выхода.

– Как ты думаешь, она соврала про мужа?

– Конечно, соврала.

– А если нет?

Фил усмехнулся:

– А ты что, зассал? Или только с бабами готов дело иметь?

Карпыч убрал в сторону волосы, рассыпанные по лицу бесчувственной женщины. Из разбитой губы продолжала сочиться кровь, скапливаясь на подбородке, на скуле набухал синяк.

– А она очень даже ничего. И... похожа на твою Лерку, – сказал Карпыч. – С которой у тебя постоянно скандалы.

Фил посмотрел на Ольгу.

– А по-моему, это и есть Лерка, – тихо промолвил он. – Разве ты не видишь?

Карпыч озадаченно почесал нос.

– Это – Лерка? А... она ведь не была беременной. И потом, как она оказалась здесь, если должна находиться на даче Кролика?

– Какой Кролик? – с холодной ухмылкой спросил Фил, и они расхохотались. В старом, окутанном сумерками доме смех этих двоих прозвучал как злорадное хрюканье.

– Свяжем ее? – предложил Карпыч, но Фил мотнул головой:

– Она никуда не денется. Давай принесем старуху. У тебя, наверное, уже весь багажник протек.

– Эй, Фил, смотри.

С этими словами Карпыч раздвинул полы халата, обнажая налитые женские груди будущей матери. Вызывающе торчали крупные соски, окруженные светло-коричневыми чашечками.

Фил облизнулся.

– У меня стояк, – признался Карпыч, не сводя завороченного взгляда с соблазнительной, матово блестящей плоти. – Я еще никогда не трахал беременных...

– Предстоит знатная вечеринка, – цокнул языком Фил. – Идем за старухой.

И они поспешили наружу.

* * *

Часы показывали 00:00, и последний в этот день показ «Седой ночи» оборвался, когда до конца еще было одиннадцать минут – именно столько времени звучала сирена. Рэд уже понял, что если по каким-то причинам кино ставилось на паузу и из встроенных динамиков начинал извергаться зубодробильный скрежет, впоследствии фильм начинал идти с той самой секунды, на которой был остановлен. Соответственно, сдвигалось время трансляции, которое не всегда совпадало с распорядком дня...

В этот раз сирена включалась дважды. Первый раз из-за того, что Алексею приспичило облегчить кишечник. Слушая его натужное сопение и недвусмысленные звуки, Рэд едва сдерживал рвотные спазмы. Юрий хрипло и неразборчиво напевал какую-то песню, Жанна сидела, зарывшись лицом в сальные от грязи и пота волосы.

Второй раз внезапно отключился сам Рэд. Да, это его кино, он создал этот фильм, но всему есть предел, и от нескончаемой череды повторяющихся кадров Рэду уже хотелось выть и лезть на стенку, выдирая из черепа свои длинные седые волосы. Нескончаемое однообразие приводило в бешенство, которое тут же сменялось отупляющей апатией, и все по спирали повторялось вновь и вновь. Режиссеру стало чудиться, что его начинает окутывать некая плотная пелена, розовая и губчатая, словно влажная мозаика из внутренних органов. Кадры из фильма – потоками льющаяся кровь, отпиленные кисти руки, ключья плаценты, которой закусывали водку Фил с Карпычем, – казалось, все это вколачивается в череп стальными гвоздями. И Рэд не выдержал. Последовала резкая ослепительная вспышка, как проблеск холодной молнии, и он утратил связь с реальностью.

Пришел в чувство режиссер лишь после того, как его усиленно отхлестал ладонями по лицу Юрий.

– Не так скоро, старик, – прошипел он, увидев, как Рэд, застонав, приоткрыл глаза. – Я так понял, что все только начинается...

– Уйди прочь, – прошептал Локко. Все лицо горело и полыхало от пощечин. – Убери лапы, сукин сын.

Из-за неумолкающей сирены Юрий вряд ли услышал его слова, но, вероятно, смысл сказанного понял по шевелящимся губам режиссера.

– Да без проблем, – сказал он и, отойдя в угол, попросту сел на пол.

Рэд опустил голову и заткнул уши.

Алексей подобрал пустые ведерки из-под попкорна и, разорвав их, стал поочередно выливать их внутренние стенки. Из потухших глаз банкира, окруженных темными кругами, текли слезы. Ее Величество Боль, казалось, поселилась в каждом квадратном миллиметре его изможденного грузного тела. Но больше всего досталось позвоночнику, в него будто ввинтили десяток ржавых винтов, которые вибрировали в такт его судорожному дыханию, причиняя немис-

лимую боль. Нестерпимо болел копчик, и Балашов даже подумал, что, наверное, именно так себя чувствуют наказанные, которых сажают голой задницей в муравейник.

Жанна сидела неподвижно, крепко зажмурившись.

Так продолжалось ровно до 00:00, после чего сирена смолкла.

Рэд, охнув, медленно поднялся – бедра обожгло зубчатой болью, будто пилой по коже прошлись. Ковыляя, он сделал небольшой круг по «кинотеатру» и остановился возле Жанны. Глаза беременной женщины все так же были закрыты.

– Ты что, просидела так шесть часов? – спросил он.

Она не ответила.

– Фильм закончен, – зачем-то сообщил режиссер, хотя это было и так понятно.

– Он никогда не закончится, – выдохнул Алексей. Вылизав последнее ведро, он швырнул его под ноги. – Твой фильм будет идти вечно. Твоим фильмом нас убивают, Рэд. Медленно и изощренно.

– Мы сами себя убиваем, – прошептала Жанна, поднимая веки. Влажные глаза были покрасневшие и опухшие.

– У нас внеплановая почта, – хмыкнул Юрий, увидев, как с потолка спускается увесистый бумажный пакет, к ручке которого был привязан фиолетовый бант. – Не иначе как нам выделили дополнительный паек...

Алексей возбужденно втянул носом затхлый воздух давно непроветриваемого помещения и приблизился к пакету.

– «Оле», – вслух прочитал он надпись, выполненную маркером, и в голосе его прозвучало разочарование.

– Похоже, это вам, Жанна, – произнес Рэд. Он отцепил пакет, и трос зашелестел, поднимаясь, наверх. – Тот самый приз.

– Я не Оля, – разлепила губы Жанна. Она отстраненно смотрела, как Алексей нетерпеливо вытаскивал наружу пластиковую бутылку, заполненную прозрачной жидкостью, аккуратно сложенную простыню, пеленки и полотенце. Набор завершал бумажный коричневый конверт, в котором оказался пузырек йода и маленькая катушка ниток.

– Они готовятся к родам, – сказал Рэд, и губы его изогнулись в жалкой улыбке. – Спасибо хоть на этом.

– Получай свой приз, Ольга, – вздохнул Алексей. Увидев, что в пакете больше ничего нет, он быстро потерял к нему интерес.

– Я не Ольга, мать твою! – Жанна вскинула на банкира злые глаза. – Если не помнишь, как меня зовут, лучше вообще заткнись!

– Слыхал, Карпыч? – засмеялся Юрий. – Кошечка решила показать коготки.

– Да пошла она... – зевнул Алексей. – Кстати, простыней или полотенцем можно закрыть ведро.

Судя по нахмурившемуся лицу Рэда, эта идея режиссеру не понравилась.

– Простыня понадобится для другого дела, – возразил он.

– Ты что, стал за всех все решать? – набычился Алексей. – А кто тебя уполномочил?

Рэд примиряюще поднял руки:

– Друзья, давайте лучше поговорим о другом. Жанна получила этот так называемый приз за то, что правильно назвала отличие этого фильма от оригинала... – Теперь его взгляд был устремлен на Жанну. – Я говорю о Воробьевой Ирине.

Выражения лиц Юрия и Алексея оставались безразличными и холодными.

– И что ты хочешь узнать, Рэд Локко? – спокойно поинтересовалась Жанна. Придерживая живот руками, она, с трудом переставляя отекающие ноги, подошла к «призу».

– Как ты узнала?

– Очень просто. Кто-нибудь из вас смотрел титры?

Рэд выглядел обескураженным.

– Признаюсь, нет. Все внимание я сосредоточил на картине...

– Все элементарно, – устало продолжала Жанна. – Вы все внимательно смотрели сам фильм, но почему-то никто из вас не обратил внимания на фамилии тех, кто был причастен к съемкам «Седой ночи». Фамилия Ирины Воробьевой промелькнула так быстро, что я едва заметила, но она была в титрах.

– Ира Воробьева, – машинально повторил Рэд, будто слыша это имя впервые. – Как, ведь...

Он схватился за голову и торопливо повернулся к экрану, как если бы пытался увидеть ускользающие кадры финальной сцены.

– Остынь, Рэд, – сказал Алексей. – У тебя будет возможность проверить слова Оль... Жанны сегодня утром. Просто следи за титрами.

– Если бы она ошиблась, Ах бы об этом сказала, – прозвучал ответ. – Значит...

– Значит, они все знают, – промолвила Жанна. Она расправила пленки, критически оглядела их, затем сложила обратно в пакет.

Режиссер повернулся к ней лицом.

– Это какое-то сумасшествие, – отрывисто сказал он. – Ира... Как будто это было вчера, правда? Но прошло двадцать пять лет...

Его взор переместился на Юрия, затем на Алексея.

– Насколько хорошо вы все это помните?!

Никакой реакции, лишь Алексей приподнял брови.

– Что молчите, парни? – Голос режиссера сделался жестче. – Вы все сделали. Должны помнить.

– За фильм несет ответственность режиссер, Витек, – наконец заговорил Есин. – Главный – ты. Это была твоя идея. Мы лишь исполняли твои указания.

Алексей молча сглотнул подкативший ком к горлу, лицо покрылось мертвенной бледностью. Юрий заметил это и толкнул банкира локтем:

– Гляжу, ты тоже вспомнил, братуха. Ну, говори что-нибудь, чего застыл?

Алексей заторможенно взглянул на него. В мозгу, словно оглушительные хлопки крыльев какой-то рептилии, то и дело вспыхивала жуткая мысль, бросающая его в ледящий ужас:

«Вскрылось... все вскрылось».

– Я... я почти ничего... не помню. Это было... как в густом тумане. Это все твои колеса, Рэд.

Словно в поисках поддержки, он посмотрел на Юрия, но лицо мужчины оставалось непроницаемым, проще было угадать, о чем думает речной камень, чем Есин.

– Мы все в одной лодке, ребята, – свистящим шепотом проговорил Рэд. – Все, что было сделано тогда, уже не вернешь. Надо думать, как выбраться, а не сваливать вину на других. – Его длинный и худой палец, больше похожий на птичий коготь, уставился на замершего Алексея. – И, помнится, в тот момент на мои колеса ты не жаловался, Карпыч. Наоборот, ты меня очень долго благодарил.

Алексей поежился. Под пронзительным взглядом черных глаз режиссера он вдруг почувствовал себя совершенно беззащитным, как черепаха, с которой заживо содрали панцирь.

– Вообще-то... я обо всем догадалась уже давно... – призналась Жанна. – Еще во время показа фильма во второй раз.

– Почему ты не сказала? – изумился Рэд.

Он намеревался сказать еще что-то, но тут экран внезапно снова ожил, и все пленники произвольно повернули к нему головы.

Это была Ах. Склонившись, она сидела на стуле таким образом, что локтями уткнулась в колени, а ладонями подпирала свое круглое веснушчатое лицо. Пухлые ножки девочки бол-

тались безвольными обрубками, один бант полностью развязался и свисал до самого пола. В левой руке Ах, словно живые, лениво колыхались на ниточках воздушные шарики. Все они были угольно-черного цвета.

– Чем обязаны? – сухо поинтересовался Рэд. – Внеплановый показ кино? Или срочное заявление?

– Ни то ни другое, Рэд, – ответила девочка, откидываясь на спинку стула. – Хотела почистить вам на ночь стихи.

Рэд поджал губы, которые на его исхудавшем лице стали похожи на две сложенные ниточки.

– Ясенько, – хихикнула девочка, взбираясь на стул с ногами. – Как я поняла, аплодисментов от вас дожидаться бессмысленно.

Где-то вдали неожиданно прокатился густой раскат грома, и шарики на ниточках, которые она держала в руке тревожно задергались в воздухе, будто предчувствуя беду.

– Давай уже скорее, – сквозь зубы проговорил Юрий и, понизив голос, прибавил: – Рыжая шлюха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.